САПЕРЪ.

Генералъ Стессель въ Портъ-Артурѣ.

Критическій очеркъ.

(Составленъ по дневникамъ защитниковъ и изъ бесѣдъ съ бывшими портъ-артурцами, а также на основаніи опубликованныхъ и неопубликованныхъ приказовъ, донесеній и другихъ оффиціальныхъ данныхъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія І. Лурье и К°, Гороховая ул., д № 48.
1906.

к. 38 66

БИБЛИОТЕКА
[redacted]ИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

704.
32.

Отъ издателей.

По своему вліянію на послѣдующее развитіе жизни восточнаго полушарія, русско-японская война должна быть отнесена къ числу важнѣйшихъ и величайшихъ войнъ въ исторіи. Лицомъ къ лицу сошлись два міра Европейцы въ теченіе столѣтій безъ большого напряженія силъ ломали, покоряли или подчиняли своему вліянію крупнѣйшія государственныя организаціи азіатскаго материка.—То капиталъ сноситъ съ лица земли низшія хозяйственныя формы,—говорили марксисты.—Нѣтъ, то высшая раса побѣждаетъ низшую,—возражали лица, не хотѣвшія мириться съ прозаическимъ марксистскимъ объясненіемъ подкладки всякаго историческаго процесса. Исходъ русско-японской войны показалъ, кто былъ правъ.

Въ этой войнѣ, съ одной стороны, выступили представители „низшей“ расы, не только ставшіе на путь капиталистическаго развитія, но и успѣвшіе приспособить къ требованіямъ этого развитія культурныя и политическія формы жизни; съ другой—представители „высшей“ расы, усвоившіе болѣе или менѣе технику капиталистическаго производства, но еще не успѣвшіе разорвать политико-общественную оболочку, доставшуюся въ наслѣдство отъ низшей, крѣпостнической формы производства. Японцы безповоротно приняли

новый строй жизни, русскіе стояли одной ногой въ трясинѣ отжившаго порядка вещей.

По внѣшности силы противниковъ были равны. Неудобство веденія войны въ отдаленной странѣ съ избыткомъ окупалось для русскихъ численнымъ превосходствомъ населенія. На театрѣ военныхъ дѣйствій сохранялось приблизительное равенство силъ. И тѣмъ не менѣе на сторонѣ русскихъ за всю кампанію ни одной побѣды! Это поразительное явленіе должно остановить на себѣ наше особенное вниманіе. Нельзя удовольствоваться общимъ выводомъ о превосходствѣ японской культуры. Нужно анализировать тѣ конкретныя формы, въ которыхъ давалъ себя знать,—съ русской стороны,—отжившій крѣпостническій строй. Въ интересахъ изученія этихъ формъ мы и предлагаемъ читателю настоящую брошюру.

Авторъ брошюры, повидимому, былъ далекъ отъ постановки себѣ подобной цѣли. Онъ принимаетъ старыя формы, какъ должное. Всю бѣду онъ видитъ въ негодности отдѣльныхъ лицъ. Брошюра является обвинительнымъ актомъ противъ Стесселя, и плохо замаскированной защитительной рѣчью въ пользу генерала Смирнова. Повѣрить автору,—война приняла бы совсѣмъ иной оборотъ, если бы на мѣсто Стесселя поставить Смирнова, на мѣсто Ивана Петровича—Петра Ивановича. Смирновъ и Стессель—ангелъ и демонъ, Ормуздъ и Ариманъ Портъ Артура. Одинъ черенъ, какъ воронъ, другой бѣлъ, какъ голубица. Само собой разумѣется, что въ нашу задачу не входитъ ни обѣленіе Смирнова, ни борьба противъ Стесселя. Смирнова мы не знаемъ, а Стессель интересуетъ насъ только, какъ продуктъ и представитель извѣстнаго порядка вещей.

Само по себѣ развѣнчиваніе Стесселя—фактъ уже совершившійся. Но данныя, приводимыя авторомъ брошюры, тѣмъ не менѣе представляютъ значительный общественный интересъ. Человѣкъ жадный, трусливый и невѣжественный, Стессель выходитъ сухимъ изъ воды послѣ китайской кампаніи, получаетъ чрезвычайныя награды въ самомъ началѣ русско-японской войны и занимаетъ въ ней одинъ изъ наиболѣе отвѣтственныхъ постовъ. Чѣмъ объяснить эту странность? По объясненію г Сапера, причина кроется въ томъ, что Куропаткинъ покровительствуетъ Стесселю, какъ своему однокашнику-товарищу, а Алексѣевъ благоволитъ къ нему, какъ къ своему доброму знакомому. Эти объясненія не могутъ удовлетворить англійскаго корреспондента Арчибальда Литль, который ищетъ болѣе глубокой причины. Но въ какую сторону направлены его поиски? Въ сторону ли прошлой общественной дѣятельности Стесселя? Нѣтъ, такое направленіе поисковъ не повело бы къ раскрытію загадки, принимая во вниманіе существующіе въ Россіи пережитки крѣпостничества. Отгадку нужно искать въ другомъ мѣстѣ.

— Нѣмцы думали, — разсказываетъ Арчибальдъ Литль,—что герой Портъ-Артура—нѣмецъ, судя по его имени. Но на это русскіе всегда отвѣчаютъ смущенно: „нѣтъ“. Очевидно, есть какая-то тайна въ его происхожденіи; тайна, которую обыкновенно называютъ „дамскими интригами“, есть та причина, по которой онъ былъ оставленъ въ Портъ-Артурѣ.

„Дамскія интриги“! Сколькихъ людей онѣ сдѣлали въ XVIII вѣкѣ родоначальниками знатнѣйшихъ русскихъ дворянскихъ фамилій! И сколько въ настоящее время выскакиваетъ на поверхность русской жизни

людей съ „сомнительными“ фамиліями, людей, которые изъ всякаго щекотливаго положенія выходятъ благополучно, вопреки политическому разсудку и наперекоръ уголовнымъ стихіямъ! Быть незаконнорожденнымъ, или подставнымъ мужемъ, или статнымъ добрымъ молодцемъ—все это, вмѣстѣ и порознь, играетъ у насъ огромную роль въ жизни отдѣльныхъ лицъ, а черезъ нихъ и въ жизни страны. Это чрезмѣрное значеніе семейственности только и возможно при господствѣ крѣпостническаго строя или при наличности его пережитковъ.

Семейственность ведетъ къ безотвѣтственности, а послѣдняя къ авантюризму на чужой счетъ, на счетъ народа. И вотъ мы были свидѣтелями грандіозныхъ авантюръ на рѣкѣ Ялу и на Квантунскомъ полуостровѣ.

Тотъ же духъ семейственности и авантюризма на счетъ чужихъ средствъ и чужой жизни привелъ къ гибели русскаго флота. Прочтите внимательно документы, приводимые въ брошюрѣ. Портъ-Артурскіе адмиралы категорически признаютъ слабость эскадры и заявляютъ о гибельности попытки прорваться изъ Портъ-Артура во Владивостокъ, и всетаки дѣлаютъ эту попытку! Почему? Отвѣта ищите въ тѣхъ же документахъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы не задавались цѣлью представить исчерпывающій анализъ матеріаловъ и свѣдѣній, даваемыхъ предлагаемой брошюрой. Мы хотѣли, на отдѣльныхъ примѣрахъ, указать только на методъ пользованія ею. Другіе выводы съумѣетъ сдѣлать самостоятельно всякій сколько-нибудь вдумчивый читатель.

Отъ автора.

Русское общество жаждетъ правды. Оно вправѣ требовать отчета о событіяхъ печальной русско-японской войны. Мы имѣемъ возможность приподнять край той завѣсы, которая покрыла печальные дни обороны Портъ-Артура

Артурскія укрѣпленія созданы на русскія деньги, и подъ твердынями его пролилась кровь нашихъ отцовъ и братьевъ. Слѣдственная комиссія, употребивъ 4 мѣсяца на сводку собраннаго ею матерьяла, не озаботилась даже хотя бы вкратцѣ ознакомить русское общество съ сутью предъявленныхъ обвиненій къ защитникамъ этой крѣпости. Настоящій очеркъ вырветъ, можетъ быть, не одинъ листокъ изъ того лаврового вѣнка, которымъ увѣнчаны были преждевременно головы генерала Стесселя и его „истинныхъ героевъ и помощниковъ.“ Никому зла мы не желаемъ. Мы хотимъ только, чтобы истина выплыла наружу и чтобы впредь не повторились такія ошибки, когда недостойные люди, прикрываясь газетной рекламой, могли изъ-за трусости или изъ-за иныхъ личныхъ побужденій приносить непоправимый вредъ всѣмъ нашимъ общимъ интересамъ. Пусть Россія узнаетъ, кто былъ правъ, кто виноватъ въ Портъ-Артурѣ и сама отличитъ настоящихъ дѣятелей-героевъ отъ „истинныхъ героевъ и помощниковъ“, какъ отличаетъ русскихъ людей отъ „истинно-русскихъ“.

Саперъ.

Г. Петербургъ.
Іюль 1906 г

I

Надъ Портъ-Артуромъ никогда, собственно, со дня занятія его нами, а въ особенности во время безпорядковъ въ Китаѣ 1900 г. и послѣ, не разсѣивались политическія облака. Періодически—и весьма часто—политическій барометръ давалъ рѣзкіе скачки то къ бурѣ, то къ штилю. Но 1903 годъ представлялъ въ этомъ отношеніи наибольшія колебанія, заставившія, наконецъ, серьезно подумать объ укрѣпленіи Портъ-Артура.

Ночь на 27-ое января 1904 года и утро этого дня показали совсѣмъ ясно обстоятельства дѣла и прекратили всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, война была фактически объявлена Японіей, дѣйствіемъ морскихъ ея силъ, атаковавшихъ нашу эскадру.

Еще въ ночь на 27-ое января крѣпостная артиллерія, по тревогѣ, была выведена на приморскія батареи, отчасти и на сухопутныя, и закипѣла спѣшная работа

2 го февраля 1904 года, т. е. спустя 5 дней послѣ начала войны, послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи на должность коменданта крѣпости Портъ-Артуръ генерала Смирнова. Какъ это ни странно, но назначеніе на такой важный и отвѣтственный постъ состоялось помимо какого-либо съ его стороны хода-

тайства. Въ телеграммѣ военнаго министра, сообщавшей объ этомъ назначеніи, было добавлено: „надо выѣзжать немедленно, не заѣзжая въ Петербургъ".

Смирновъ прибылъ въ Портъ-Артуръ 4 марта. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ адмираломъ Макаровымъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій сухопутныхъ силъ и флота въ случаѣ высадки непріятеля на Квантунѣ. Рѣшено было, что къ пункту высадки комендантъ переброситъ 7 полковъ и всю полевую артиллерію, а Макаровъ выведетъ туда весь свой флотъ. Черезъ недѣлю по вступленіи Смирнова въ должность послѣдовала отъ намѣстника телеграмма, извѣщающая, что Стесселъ оставляется временно на Квантунскомъ полуостровѣ въ должности начальника Артуръ-Цзиньчжоускаго раіона, при чемъ комендантъ крѣпости долженъ находиться у него въ подчиненіи *). Въ виду того, что должность начальника раіона была возложена на Стесселя только временно, Смирновъ счелъ необходимымъ ознакомиться съ самимъ раіономъ. Поэтому въ двадцатыхъ числахъ марта онъ выѣхалъ въ Цзиньчжоу, гдѣ пробылъ около 2 сутокъ, затѣмъ переѣхалъ въ Дальній, откуда ѣздилъ на бухты Лахутань и Меланхе. Устройство укрѣпленій у Цзиньчжоу, по его словамъ, нѣсколько удивило Смирнова: позиція на горѣ Саньшань была огорожена проволочными сѣтями и укрѣплена траншеями не только съ сѣвера, но и съ юга, со стороны самаго полуострова.

Указавъ полковнику Третьякову, коему ввѣрена была защита Цзиньчжоуской позиціи, что для придапія этой позиціи должной устойчивости надо на Тафа-

*) См приказъ намѣстника отъ 12 марта 1904 года № 239

шинскихъ высотахъ построить редутъ на одну или 2 роты и имѣть затѣмъ въ виду Сангалинскую позицію, какъ арьергардную, комендантъ переѣхалъ въ Дальній. Въ Дальнемъ онъ нашелъ, что мѣста батарей для защиты минныхъ заграждений выбраны у дер. Цирго и Таліенвана вполнѣ удачно, но калибры пушекъ, предназначенныхъ для сего, слабы (9 фунтовъ), почему и рѣшилъ просить Макарова дать туда 4 или по меньшей мѣрѣ 2 пушки Канэ съ тѣхъ судовъ, которыя были временно разоружены. Изъ разговоровъ съ генераломъ Фокомъ комендантъ заключилъ, что собственно по его иниціативѣ позиція у Цзиньчжоу была укрѣплена не только фронтомъ на сѣверъ, но и на югъ, на тотъ случай, если бы высадка непріятеля послѣдовала въ одной изъ бухтъ Квантунскаго полуострова, и если бы 4 Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія съ 5 Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ оказались бы отрѣзанными отъ Портъ-Артура.

Тогда путь отступленія былъ бы на Ляоянъ. Такимъ образомъ, въ тылу Цзиньчжоуской позиціи произведена была масса инженерныхъ работъ, и самый тылъ стѣсненъ для маневрированія заграждениями изъ-за страннаго предположенія задерживать наступленіе противника къ Ляояну послѣ того, какъ непріятель совершитъ высадку на Квантунскомъ полуостровѣ для дѣйствій противъ крѣпости Портъ-Артуръ.

Въ это время на фортахъ и укрѣпленіяхъ самой крѣпости, которую война застала въ полуготовомъ видѣ, работы шли весьма энергично: иногда въ день работало до 6.000 китайцевъ. Созиданіе верковъ крѣпости подвигалось вполнѣ успѣшно. Кромѣ того, производились работы и на Ляотешанѣ для постановки тамъ

орудій Кане съ цѣлью обезпечить портъ и городъ отъ безнаказанныхъ бомбардировокъ непріятельскаго флота изъ-за массива Ляотешаня.

Когда работы на веркахъ настолько подвинулись впередъ, что окончаніе ихъ къ началу осады можно было считать обезпеченнымъ, было найдено необходимымъ начать работы на намѣченныхъ передовыхъ пунктахъ. На первую очередь была поставлена постройка редутовъ у водопровода и укрѣпленія на Высокой горѣ. Возведеніе укрѣпленія на послѣдней горѣ встрѣтило сопротивленіе со стороны Стесселя. Онъ потребовалъ, чтобы прежде всего была укрѣплена Угловая гора. Послѣднее явилось, какъ результатъ подсказа Фока, когда его посѣтилъ 14 апрѣля въ Нангалинѣ Стессель. Тогда пришлось расширить укрѣпленіе передовыхъ пунктовъ занятіемъ Паплуншаня и предгорій Угловыхъ горъ (Трехголовой), что комендантомъ и было сдѣлано, послѣ подробной рекогносцировки съ ген. Кондратенко Работы во всѣхъ этихъ пунктахъ возложены были сначала на инженеровъ, а впослѣдствіи на комадира 5-го Восточно - Сибирскаго стрѣлковаго полка полковника Третьякова. 31 марта погибъ Макаровъ, и спустя нѣсколько дней (2 апрѣля) прибылъ въ Артуръ намѣстникъ. Этотъ пріѣздъ совпалъ съ днемъ бомбардировки Артура.

Во время пребыванія намѣстника въ Артурѣ изъ доклада лицъ гражданскаго управленія Алексѣевъ усмотрѣлъ, что вмѣшательство Стесселя въ гражданскую часть порождаетъ недоразумѣнія и вредитъ жизни и дѣламъ города. Поэтому адмиралъ Алексѣевъ приказалъ своему начальнику штаба, генералъ-лейтенанту Жилинскому, заготовить приказъ, въ которомъ опредѣлено

указать, что высшая гражданская власть въ Артурѣ въ предѣлахъ его эспланады принадлежитъ исключительно коменданту. Жилинскій обратился съ просьбой къ коменданту составить такой приказъ, ибо ему лучше, чѣмъ кому-либо другому, извѣстны крѣпостныя положенія, но при этомъ просилъ придать приказу такую редакцію, чтобы самолюбіе Стесселя не было задѣто.

Приказъ этотъ былъ комендантомъ составленъ, отданъ въ штабъ крѣпости перебѣлить на пишущей машинѣ и затѣмъ пересланъ Жилинскому. Приказъ этотъ почти безъ измѣненій былъ отданъ 14 апрѣля за № 339. Надо полагать, нашлись люди, видѣвшіе, какъ перебѣлялся этотъ приказъ въ штабѣ крѣпости, и поспѣшившіе сообщить о семъ Стесселю съ соотвѣтствующей своимъ догадкамъ окраской. По крайней мѣрѣ, послѣ этого начало замѣчаться его недружелюбное отношеніе къ Смирнову.

16 апрѣля пріѣхалъ изъ города Іокогама какой-то артиллерійскій капитанъ для закупокъ въ Портъ-Артурѣ. Освѣдомившись, что по распоряженію коменданта запрещенъ вывозъ всѣхъ продовольственныхъ запасовъ и вообще запасовъ, необходимыхъ гарнизону во время осады, при чемъ исключеній ни для кого не допускалось, онъ рѣшилъ обратиться за разрѣшеніемъ непосредственно къ Стесселю

Стессель помѣтилъ на запискѣ артиллерійскаго капитана: „Разрѣшаю“ и отправилъ къ начальнику штаба крѣпости для распоряженій о пропускѣ желѣзнодорожной станціей этихъ товаровъ. Полковникъ Хвостовъ направилъ этого капитана къ коменданту на квартиру, но капитанъ вмѣсто этого отправился прямо къ Стес-

селю съ жалобой на Хвостова. Въ результатѣ этой жалобы было нижеслѣдующее письмо Стесселя къ коменданту (орфографія подлинника):

Апрѣля 16 дня 1904 года.
Кр. Портъ-Артуръ

Ваше Превосходительство,
Константинъ Николаевичъ!

Сего числа въ 7 часовъ вечера явился ко мнѣ 1-ой В.-С. Артиллерійской бригады Капитанъ съ просьбой разрѣшить вывезти нѣкоторые предметы для г. г. офицеровъ, я лично разсмотрѣлъ списокъ, вычеркнулъ керосинъ, а остальное разрѣшилъ, въ виду малаго количества и написалъ резолюцію „разрѣшаю". Черезъ 15—20 минутъ капитанъ вернулся и доложилъ что Подполковникъ Хвостовъ сказалъ что онъ пропуска недаетъ такъ какъ есть приказъ Намѣстника что одинъ комендантъ можетъ разрѣшать Еще до напечатанія приказъ былъ мнѣ извѣстенъ, онъ отданъ для того, чтобы болѣе рѣзко подчеркнуть обязанности Коменданта, но не для того, чтобы уничтожать право присвоенное каждому старшему Начальнику —принадлежащее Начальнику ему подчиненному. Считаю поступокъ Подполковника Хвостова неумѣстнымъ дискредитирующимъ мою власть Я на сей разъ наложу на него взысканіе дисциплинарное, при повтореніи же чего либо подобнаго прямо удалю отъ должности, несмотря на то, что я же просилъ о его назначеніи. Прошу принять увѣреніе въ совершенной преданности. Подписано: *А. Стессель.*

Далѣе идетъ списокъ разрѣшенныхъ къ вывозу Стесселемъ предметовъ.

Спустя нѣсколько дней (22 апрѣля), намѣстникъ уѣхалъ изъ Портъ-Артура, а затѣмъ произошелъ перерывъ сообщенія Портъ-Артура съ Россіей.

Послѣ этого отношенія ген. Стесселя къ коменданту рѣзко измѣнились. Въ дѣлѣ по управленію крѣпостью, въ особенности касательно личнаго состава онъ стремился вмѣщиваться и дѣйствовать помимо

Смирнова и въ разрѣзъ его распоряженіямъ. Такъ. приказомъ коменданта отъ 14 апрѣля за № 317 (обязательныя постановленія), установлены были, между прочимъ, обязательства закрывать въ окнахъ и на балконахъ огни по направленію къ морскому фронту. При абсолютномъ мракѣ на улицахъ эта мѣра въ военномъ отношеніи являлась существенно важной, такъ какъ по огнямъ непріятельскіе миноносцы и брандеры могли ориентироваться. Все населеніе крѣпости, какъ гражданское, такъ и военное, строго соблюдало это постановленіе, за исключеніемъ только одного Стесселя. Когда же черезъ жандармовъ сдѣлано было домашнимъ Стесселя напоминаніе закрывать огни, то послѣдній пригрозилъ кн. Микеладзе (начальнику жандармской команды) посадить его подъ арестъ за таковое напоминаніе (23 апрѣля) и продолжалъ держать огни въ домѣ открытыми.

Ген. Стессель нисколько не стѣснялся безъ всякаго спроса у коменданта выкомандировывать подчиненныхъ ему чиновъ: такъ, полиціймейстръ Тауцъ вошелъ къ коменданту съ рапортомъ, прося снять съ него временно обязанности полиціймейстера и позволить ему составить отрядъ партизановъ, съ которыми отправиться на передовыя позиціи. Смирновъ въ просьбѣ отказалъ. Но когда недѣли черезъ двѣ Тауцъ обратился за тѣмъ же къ Стесселю непосредственно, послѣдній его отпустилъ помимо коменданта, даже не увѣдомивъ послѣдняго. Въ результатѣ этой поѣздки Тауца явилось фантастическое донесеніе намѣстнику объ отбитіи 240 быковъ и захватѣ 50 японцевъ плѣнными. Въ дѣйствительности Тауцъ добылъ на островахъ, у китайцевъ бухты Луиза, около 60 коровъ;

плѣнныхъ же японцевъ захвачено было, и то вовсе не Таупомъ, человѣка 4, на передовыхъ позиціяхъ.

Когда формированіе госпиталей было доведено до № 10-го, то личный составъ туда началъ назначаться по протекціи Стесселя и его жены. Для сосредоточенія страдающихъ заразными болѣзнями Смирновъ сдѣлалъ распоряженіе отвести подъ нихъ 5-ый подвижный госпиталь, помѣщавшійся на Тигровомъ полуостровѣ. Это не понравилось Фоку, и Стессель отмѣнилъ это распоряженіе Смирнова. Заразные помѣщались въ разныхъ госпиталяхъ, и Стессель вынужденъ былъ наконецъ признать, что отъ этого заражаются раненые. Тогда онъ приказалъ (10 октября), несмотря на холодную погоду, всѣхъ заразныхъ перемѣстить на Тигровый полуостровъ. Ихъ накопилось тогда до 1200 человѣкъ, и этого перемѣщенія многіе изъ заразныхъ (особенно тифозные) не выдержали и отдали Богу душу.

Но наилучшей иллюстраціей отношеній Стесселя къ Смирнову можетъ служить слѣдующее. Когда прервано было сообщеніе Артура съ дѣйствующей арміей, то большинство жителей поспѣшило изъять изъ Русско-Китайскаго банка свои деньги. Въ результатѣ банкъ оказался безъ наличныхъ денегъ, и находящіеся тогда въ банкѣ 200.000 руб. такъ называемаго „кредита обороны“ комендантъ не могъ фактически расходовать. Между тѣмъ, въ корпусномъ казначействѣ 3-го сибирскаго армейского корпуса состояло тогда наличными деньгами болѣе 1.200.000 рублей. Надо замѣтить, что 3-ій сибирскій армейскій корпусъ находился въ составѣ Сѣверной арміи; въ Артурѣ же, отрѣзанномъ отъ всего міра, остались лишь его командиръ (Стессель), начальникъ артиллеріи (ген. Никитинъ), корпусный врачъ

(Рябининъ) и корпусные: штабъ и казначейство. Наличныя деньги были крайне необходимы коменданту для ежедневной расплаты съ китайцами рабочими, составъ которыхъ мѣнялся ежесуточно. Комендантъ просилъ Стесселя черезъ полк. Григоренко и потомъ лично ссудить временно 50.000 рублей изъ корпуснаго казначейства, взамѣнъ чего на эту сумму будетъ сдѣланъ переводъ на Русско-Китайскій банкъ, куда притока денегъ можно было ожидать черезъ нѣсколько недѣль. Стессель отказалъ ссудить эту сумму.

На заявленіе, что благодаря отсутствію наличныхъ денегъ придется остановить работы на укрѣпленіяхъ черезъ 2, много 3, дня, Стессель отвѣтилъ, что это не его дѣло. Дѣло принимало характеръ какого-то издѣвательства не только надъ комендантомъ крѣпости, но и надъ самой подготовкой крѣпости къ оборонѣ. Только генералу Кондратенко удалось выпросить у Стесселя 15.000 рублей. Въ послѣдующемъ удалось взять еще изъ корпуснаго казначейства нѣсколько десятковъ тысячъ.

Впослѣдствіи комендантъ избѣгалъ дѣлать о чемъ-либо докладъ и испрашивать указанія у Стесселя, а дѣйствовалъ самостоятельно и только въ крайнихъ случаяхъ посылалъ къ Стесселю Кондратенко. Упомянемъ въ порядкѣ постепенности событій и о Цзиньчжоускомъ боѣ 13-го мая и его „героѣ“ генералѣ Фокѣ. Этотъ бой не показалъ намъ ни особаго мужества, ни превосходства надъ нами противника, но рельефно обнаружилъ собственное наше неумѣнье и боязнь сразиться съ врагомъ и отбросить его. Нашъ полевой Дальнинскій отрядъ Фока, сдѣлавъ мимолетную попытку встрѣтить японцевъ на позиціи впереди г. Цзиньчжоу, быстро

отошелъ на укрѣпленную позицію за этимъ городомъ и затѣмъ, сдавъ ее менѣе, чѣмъ въ двое сутокъ, и потерявъ всю ея позиціонную артиллерію и багажи, у Дальняго и Таліенвана, болѣе чѣмъ поспѣшно отступилъ къ Артуру.

Виновникомъ столь неудачнаго боя явился Фокъ. Этотъ бой создалъ ему преступную славу, хотя по извѣстіямъ корреспондентовъ изъ Чифу онъ былъ извѣстенъ на всю Россію, какъ „герой и истинный помощникъ“. Между тѣмъ, въ Цзиньчжоускомъ бою онъ, вопреки всякимъ основнымъ правиламъ тактики, воинскаго долга и просто товарищескаго чувства взаимной выручки, отдалъ на растерзаніе одинъ 5-ый полкъ. Полкъ этотъ дрался цѣлый день съ безпримѣрной храбростью противъ двухъ японскихъ дивизій, но въ непосильной борьбѣ изнемогалъ подъ ударами врага Стоявшій въ 5-ти верстахъ съ полевой артиллеріей и съ 4-мя свѣжими полками Фокъ отлично зналъ это, но не подалъ полку помощи, благодаря чему бой былъ проигранъ, и 5-ый полкъ понесъ тяжкія потери. Вотъ какъ характеризуетъ Фока одинъ изъ видныхъ защитниковъ Артура: „Злой геній Артура! Всѣхъ и все—кого боится—за глаза, а кого не боится—прямо въ глаза—надѣляетъ эпитетами, которые весь гарнизонъ отъ всего сердца отнесъ бы къ нему самому: измѣнниками, трусами и мерзавцами! Сварливый, грубый, вкрадчивый нахалъ, но если дать отпоръ, то начинаетъ хвалить. Ни съ кѣмъ, кромѣ Стесселя, Фокъ не дружилъ. Обладая даромъ слова и большой начитанностью, онъ своими краснорѣчивыми записками, критикующими всѣхъ главныхъ дѣятелей по защитѣ Артура, сильно вліялъ на Стесселя.

Послѣ катастрофы у Цзиньчжоу (13-го мая) комендантъ изготовилъ приказъ о размѣщеніи имѣющихъ вступить въ крѣпость войскъ и диспозицію о распредѣленіи войскъ на линіи обороны. Съ этими приказами и диспозиціей 18-го мая Смирновъ явился къ Стесселю, который, даже не выслушавъ ихъ, заявилъ, что ихъ отдача несвоевременна, и что отдача приказа о расположеніи штабовъ полковъ въ тѣхъ и другихъ пунктахъ города сдѣлается черезъ китайскихъ шпіоновъ извѣстной японцамъ, а отсюда они могутъ судить о боевомъ расположеніи на веркахъ И это было сказано коменданту послѣ того, какъ цѣлая диспозиція по распредѣленію войскъ на горахъ была отдана имъ въ формѣ приказа отъ 16-го мая за № 272! Далѣе Стессель объявилъ коменданту, что такъ какъ районъ, коего онъ состоитъ начальникомъ, почти уже занятъ японцами, и остается, собственно говоря, одинъ Артуръ съ его эспланадою, то онъ всецѣло беретъ на себя его оборону, штабъ крѣпости расформируетъ, какъ учрежденіе лишнее при существованіи штаба 3 го Сибирскаго корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ штаба района; полковника Хвостова пошлетъ командовать батальономъ, а коменданта будетъ считать въ своемъ распоряженіи, ибо двухъ равныхъ властей въ одномъ мѣстѣ не должно быть.

На все это генералъ Смирновъ возразилъ, что на должность коменданта онъ назначенъ высочайшимъ приказомъ, а штабъ крѣпости есть органъ коменданта, установленный высочайшимъ повелѣніемъ; отъ своихъ правъ, какъ и отъ своихъ обязанностей, онъ отказываться не намѣренъ. Стессель, какъ начальникъ, можетъ давать общія указанія касательно обороны и управленія крѣпостью, но хозяиномъ ея остается онъ-

генералъ Смирновъ. Выслушавъ это, Стессель заявилъ, что удалять Смирнова отъ должности онъ не намѣренъ, но распоряжаться въ крѣпости будетъ онъ, Стессель. Во время всего этого разговора присутствовали генералъ Никитинъ и полковникъ Хвостовъ. На слѣдующій день Смирновъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, призвалъ къ себѣ ген. Кондратенко и полковника Рейса и изложилъ имъ по данному вопросу свое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: „Стессель, вслѣдствіе отсутствія познаній по части артиллерійской и инженерной, руководить обороной крѣпости по этимъ отдѣламъ не можетъ; что же касается войсковой части, для чего собственно, какъ я подозрѣваю, онъ былъ оставленъ на Квантунѣ, то, въ виду проявленной имъ неоднократно трусости, онъ руководить и этой частью не въ состояніи и будетъ только деморализировать войска. Я полагаю, что истиннымъ мотивомъ затереть и обезличить меня является съ его стороны забота, чтобы я не вырвалъ у него того лавроваго вѣнка, который онъ такъ искусно плететъ ложью своихъ донесеній и рекламой въ газетахъ. Какъ старый кадетъ, я чувствую отвращеніе къ какимъ-либо жалобамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ будутъ только мнѣ во вредъ, ибо генералъ Куропаткинъ покровительствуетъ ему, какъ своему однокашнику-товарищу, а адмиралъ Алексѣевъ благоволитъ къ нему, какъ къ своему доброму знакомому, и вѣритъ въ его мужество. Чтобы не заводить кляузъ на всю Россію, я готовъ впередъ отказаться отъ какихъ-либо лавровъ, пусть Стессель этого не боится, но необходимо разграничить власть, причемъ я всѣми отдѣлами, за исключеніемъ чистой обороны крѣпости, готовъ въ той и другой степени поступиться".

На все это полковникъ Рейсъ заявилъ коменданту, что всѣ недоразумѣнія и непріятности происходили до сихъ поръ вслѣдствіе дурного вліянія на Стесселя разныхъ лицъ, и что онъ эти дурныя вліянія постарается парализовать. Кондратенко же попросилъ Смирнова дать ему диспозицію для прочтенія ея Стесселю предварительно отдачи ея по войскамъ, обѣщая возвратить ее не позже слѣдующаго дня. Неизвѣстно, что говорили Стесселю Кондратенко и Рейсъ, но на слѣдующій день диспозиція была возвращена коменданту на предметъ отданія ея по войскамъ въ свое время; въ приказѣ же по раіону отъ 20-го мая за № 285 указано было на отношенія между комендантомъ и Стесселемъ въ той редакціи, которую предложилъ Смирновъ Рейсу. Дѣло казалось какъ бы нѣсколько улаженнымъ. Хотя вмѣшательство Стесселя въ дѣла коменданта и продолжалось, но уже не имѣло прежняго характера.

Въ это же время начались особенно напряженныя пререканія Стесселя съ адмираломъ Витгефтомъ. Стессель требовалъ отъ Витгефта постояннаго вывода судовъ эскадры для обстрѣливанія берега со стороны расположенія непріятельскаго лѣваго фланга у. Зеленыхъ горъ. Витгефтъ, въ виду большой опасности, съ которой сопряжено было движеніе судовъ по внѣшнему рейду, вслѣдствіе заполненія его минами, и сознавая болѣе чѣмъ сомнительную дѣйствительность дальняго огня съ моря по невидимымъ и подвижнымъ цѣлямъ, вдобавокъ безъ корректировки, весьма неохотно высылалъ суда, избирая для сего наименѣе цѣнныя и потому болѣе слабыя по артиллерійскому вооруженію.

Преувеличенное представленіе о дѣйствіи огня съ моря явилось прежде всего у Фока и отъ него было

передано Стесселю и Кондратенко. Во время Цзиньчжоускаго боя (этой позорнѣйшей операціи Стесселя и Фока) Фокъ увидѣлъ, что стоявшая на горномъ пикѣ, совершенно открыто, наша батарея № 15 была подбита орудіями съ непріятельскихъ канонерокъ. Оптическій и звуковой эффектъ разрыва большихъ снарядовъ, повидимому, такъ сильно подѣйствовалъ на воображеніе Фока, что онъ совершенно искренно убѣдилъ себя въ невозможности держаться подъ снарядами флота. Только этимъ и можно объяснить выборъ имъ вмѣсто прекрасной Нангалинской позиціи, прикрывающей какъ г. Дальній, такъ и Квантунскій полуостровъ, столь нелѣпой позиціи на горахъ Юшилаза—Хуинсанъ, фронтомъ въ 25 верстъ, въ самомъ широкомъ мѣстѣ полуострова, гдѣ, казалось ему, сжимая фланги къ центру, можно уклониться отъ дѣйствій огня непріятельскихъ судовъ, въ случаѣ обстрѣла ими позиціи съ моря. Руководясь такими взглядами, онъ считалъ, что и относительно непріятельской позиціи у Зеленыхъ горъ нашъ флотъ можетъ производить разрушительное дѣйствіе. Въ результатѣ путешествій нашихъ судовъ для обстрѣла непріятельскихъ сухопутныхъ позицій было то, что подорвались на минахъ крейсеръ Баянъ, броненосецъ Севастополь и канонерская лодка Гремящій. Въ концѣ сентября со стороны Стесселя явились домогательства къ флоту вывести броненосцы къ бухтѣ Тахе и Голубиной и оттуда стрѣлять по флангамъ осаждающаго изъ 12 д. орудій. Только морская рекогносцировка на миноносцѣ (11-го октября), произведенная Смирновымъ совмѣстно съ Кондратенко, убѣдила послѣдняго въ несостоятельности такого требованія, и тогда только Кондратенко въ этомъ смыслѣ повліялъ

на Стесселя, послѣ чего эти домогательства прекратились.

Вообще, надо замѣтить, что флотъ оказался, выше всякихъ пониманій генерала Стесселя. Онъ смотрѣлъ на него съ точки зрѣнія „пѣшаго хожденія“ и никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что стальные броненосцы не могли производить эволюцій и даже ползать по горамъ съ легкостью человѣка, вооруженнаго ружьемъ. Когда флотъ нашъ силою печальныхъ обстоятельствъ принужденъ былъ оказаться въ пассивномъ положеніи, — Стессель не могъ простить ему этого, всѣхъ моряковъ едва ли не открыто онъ сталъ считать измѣнниками, всю вину осады старался свалить исключительно на нихъ и досаждалъ имъ на каждомъ шагу.

Во второй половинѣ іюня Стессель получилъ сразу три депеши: двѣ отъ Куропаткина и одну отъ Алексѣева. Въ одной изъ депешъ Куропаткина выражено сожалѣніе, что Стессель не выполнилъ мобилизаціоннаго плана по сбору скота въ раіонѣ, вслѣдствіе чего гарнизону приходится уменьшить уже теперь питаніе и перейти на солонину и консервы въ уменьшенной пропорціи; указано было, что только одинъ полкъ дрался въ Цзиньчжоу противъ цѣлой непріятельской арміи, и т. п. Намѣстникъ съ своей стороны категорически предложилъ Стесселю не вмѣшиваться въ дѣла флота, а съ жителями обращаться болѣе человѣчески. Въ другой депешѣ Куропаткинъ указывалъ прямо Стесселю, что онъ своими дѣйствіями деморализуетъ войска, и сдѣлана была угроза, что онъ будетъ отозванъ изъ Артура. По полученіи этихъ депешъ, Стессель сразу измѣнилъ свое поведеніе. Онъ сдѣлался предупредителенъ и даже дружелюбенъ

Въ то время съ особой энергіей шли работы на передовыхъ пунктахъ, и производилось доведеніе до конца укрѣпленій на верхахъ. Къ этому времени относятся постройки укрѣпленій на Дивизіонной, Длинной горахъ (гдѣ дѣятельное участіе принимали Кондратенко и генералъ Бѣлый, а главная роль принадлежала полковнику Третьякову) и возведеніе укрѣпленій на Дагушанѣ и Сяогушанѣ Періодъ времени, въ который Стессель ни во что не вмѣшивался, продолжался до конца августа.

Въ это время непріятель, собравши осадную армію, отбросилъ насъ съ передовыхъ позицій, произвелъ тѣсное обложеніе крѣпости и наконецъ первый штурмъ, самый отчаянный изъ всѣхъ штурмовъ.

II.

Съ началомъ тѣснаго обложенія Смирновъ сталъ вполнѣ хозяиномъ дѣла. Стессель совсѣмъ притихъ и говорилъ, что защита района закончена, и теперь защита крѣпости есть дѣло уже коменданта. Не будемъ излагать подробности перваго штурма, скажемъ только, что въ послѣдній день этого восьмидневнаго непрерывнаго штурма у коменданта все было уже израсходовано, и онъ снялъ около батальона съ неатакованнаго фронта.

Считаемъ необходимымъ изложить здѣсь прискорбный фактъ неисполненія Фокомъ приказанія коменданта. Когда 8-го августа, послѣ ряда штурмовъ и занятія Угловыхъ горъ, непріятель подготовлялся къ штурму на сѣверный и сѣверо-восточный фронты, комендантъ

отдалъ Фоку, который въ это время исполнялъ обязанности начальника общаго резерва, приказаніе вывести 14-ый Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ изъ казармъ 10-го полка и подвести его къ сѣверо-восточному фронту, расположивъ эшелонами въ укрытыхъ мѣстахъ (въ лощинѣ за Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ и у питательнаго погреба). Вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе коменданта, Фокъ прислалъ на цѣломъ листѣ бумаги разсужденія объ опасности въ смыслѣ потерь такового расположенія резерва, въ особенности у питательнаго погреба, куда непріятель посылаетъ тучу шрапнелей.

Надо замѣтить, что это приказаніе комендантъ отдавалъ съ Опасной горы, у подножія которой находится питательный погребъ, прекрасно укрытый мѣстностью и въ это время вовсе не обстрѣливаемый непріятелемъ. Не отвѣчая на эти разсужденія Фока, комендантъ вторично запиской категорически приказалъ немедленно двинуть 14-ый полкъ, куда раньше приказалъ, и черезъ ½ часа уѣхалъ съ позиціи въ городъ, чтобы провѣрить исполненіе своего приказанія. Въ городѣ онъ нашелъ 14-ый полкъ выстраивающимся на плацу, но Фока тамъ не было.

Въ послѣдующемъ, при непрерывныхъ штурмахъ сѣверо восточнаго фронта, Смирновъ никакъ не могъ доискаться одного батальона 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, и никакъ не могъ понять, куда онъ задѣвался на позиціи. Оказалось, что этотъ батальонъ съ охотничьими командами оставался, безъ сомнѣнія—съ вѣдома Фока, въ казармахъ. Самъ Фокъ съ этимъ послѣднимъ полкомъ резерва не вышелъ на позицію, а продолжалъ себѣ жить на своей квартирѣ.

Послѣ этихъ эпизодовъ комендантъ изъялъ изъ вѣдѣнія Фока общій резервъ, и сей генералъ въ смыслѣ боевой роли, отъ 8-го августа до 3-го декабря, находился не у дѣлъ, а съ послѣдняго числа, вопреки представленію коменданта, назначенъ былъ Стесселемъ начальникомъ сухопутной обороны и вновь сталъ дѣйствовать наперекоръ приказаніямъ Смирнова.

Въ ночь съ 11 на 12-ое августа закончились непріятельскіе штурмы, но орудійный огонь, подъ покровомъ котораго японцы стягивали остатки разбитыхъ частей, продолжался еще нѣсколько дней. Въ виду значительнаго разрушенія на батареяхъ сѣверо-восточнаго фронта нашихъ позицій, было признано необходимымъ возвести дополнительныя артиллерійскія линіи, одну на Митрофаніевской, Владимірской и Ланеровской горахъ изъ скорострѣльныхъ орудій и полевыхъ мортиръ, а другую на Каменоломномъ кряжѣ изъ 75 m/m. морскихъ орудій и такого же калибра китайскихъ. Послѣ сдѣланныхъ на боевомъ фронтѣ исправленій, сѣверо-восточный фронтъ крѣпости пріобрѣлъ особую мощь, такъ какъ заключалъ въ себѣ четыре артиллерійскихъ линіи (1-я собственно крѣпостная, 2-я—скорострѣльныхъ орудій, 3-я—морскихъ орудій и 4-я—крѣпостныхъ береговыхъ орудій, повернутыхъ на сухопутный фронтъ).

По поводу описаннаго ряда штурмовъ въ штабѣ Куропаткина была получена слѣдующая шифрованная депеша (около 14—15-а г.):

„Начавъ съ 2-го числа бомбардировку, съ 4 по 12-ое непріятель велъ рядъ штурмовъ на крѣпость. Ему удалось занять Дагушань и Сяугушань и Угловыя горы, но остальные передовые пункты и самые верки были отбиты съ

громадными потерями По полученнымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, потери японцевъ превышаютъ 20 тысячъ; наши же потери за это время около 5 тысячъ (раненыхъ и убитыхъ). Сухопутный артиллерійскій фронтъ сильно пострадалъ, и начинаетъ чувствоваться недостатокъ въ снарядахъ. Пользуясь наступившимъ затишьемъ, производится возможное исправленіе на этомъ фронтѣ и воздвигается новая артиллерійская линія изъ морскихъ орудій Ожидаемый пароходъ со снарядами еще не подошелъ.

Генералъ-лейтенантъ Смирновъ".

Во второй половинѣ августа Стессель получилъ поздравленіе съ назначеніемъ его генералъ-адъютантомъ, а вслѣдъ за тѣмъ и извѣщеніе о награжденіи орденомъ Георгія 3-й степени. Въ Россіи появилась опубликованная телеграмма Стесселя на имя императора изъ Портъ-Артура отъ 24 августа 1904 г. Приводимъ ея текстъ для болѣе удобнаго сопоставленія съ дѣйствительностью:

Ваше Императорское Величество, милость Ваша о повѣленіи зачесть намъ службу мѣсяцъ за годъ объявлена мною сегодня на позиціяхъ. Восторгъ, слезы умиленія и громовое „ура" были отвѣтомъ на великую Царскую милость. Пожалованіе мнѣ Георгія 3-й степени превыше всѣхъ моихъ даровъ и заслугъ. Молю Бога, чтобы подкрѣпилъ и далъ мнѣ силы оказаться достойнымъ великихъ милостей и наградъ, мнѣ пожалованныхъ за геройскія войска и ихъ начальниковъ. Съ представленіемъ объ особо отличившихся тотчасъ вхожу".

Можно подумать, на основаніи этого донесенія, что Стессель объѣзжалъ всѣ позиціи—а онъ въ это время вѣдь безпрерывно обстрѣливались—и объявлялъ всѣмъ стоящимъ на позиціяхъ воинскамъ, и тамъ раздавалось это громовое „ура", и тамъ лились слезы умиленія.

Но дѣло было не такъ. Первоначально высочай-

шая телеграмма была объявлена въ приказѣ по укрѣпленному району (24 авг. № 572), а затѣмъ на 26-е августа былъ назначенъ (приказомъ № 573) парадъ, на который собралось по сборной ротѣ въ 48 рядовъ отъ 4-й и 7-й дивизій и отъ крѣпостной артиллеріи и въ 24 ряда отъ Квантунскаго экипажа; на этомъ-то парадѣ и была Стесселемъ объявлена телеграмма.

По полученіи упомянутыхъ наградъ поведеніе Стесселя рѣзко измѣнилось. Вновь началось его вмѣшательство во всѣ отдѣлы управленія крѣпостью.

Стессель сталъ стремиться пристегнуть себя къ оборонѣ крѣпости, когда получился первый дѣйствительный успѣхъ. Самымъ прискорбнымъ для многихъ фактомъ вмѣшательства съ его стороны были приказы относительно вылазокъ.

Приводимъ здѣсь приказы по укрѣпленному району отъ 18-го августа за № 552 и 28 августа за № 590.

(Редакція приказовъ и орфографія—чисто стесселевскія: онъ не позволялъ никому ни исправлять, ни даже ставить запятыя въ написанныхъ имъ пунктахъ).

Экстренно.

ПРИКАЗЪ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона августа 18 дня 1904 г Кр. Портъ-Артуръ № 552.

Въ ночь съ 16 на 17 августа снова была произведена вылазка и атака редута № 2 охотниками и моряками. Охотники ворвались въ траншею, но моряки не исполнили всего того, что на нихъ возлагалось, а потому атака вышла въ общемъ неудачной да и даромъ потери. Предписываю на будущее время безъ моего на всякій разъ личнаго разрѣшенія, подобныя аттаки—не повторять. Полагая, что подоб-

ныя вылазки наилучше объединять подъ командой напр. такого лица—какъ начальникъ штаба крѣпости, какъ отлично знающій мѣстность".

ПРИКАЗЪ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона августа 28 дня 1904 г Кр. Портъ-Артуръ № 590.

Въ ночь съ 26 на 27-ое августа 26-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Поручикъ Е не доложивъ даже командиру полка самовольно взялъ половину 100 чел. охотничьей команды (какая-же это охотничья команда въ 200 человѣкъ удивляюсь) и пошелъ производить различные геройскіе поступки, цѣли разумѣется никакой не имѣющія, а показывающія только. 1) что есть офицеры, которые жизнь солдата, его командѣ ввѣренной, считаютъ ни за что и считаютъ себя въ этотъ неотвѣтственными, и такому господину для совершенно безсмысленнаго предпріятія ничего не значитъ загубить нѣсколько человѣкъ да потомъ еще доказываетъ что онъ молодецъ; 2) что въ нѣкоторыхъ частяхъ твердаго внутренняго порядка, подобное явленіе какъ уводъ команды съ бивака, безъ вѣдома командира, явленіе очень странное. Предписываю отрѣшить этого офицера отъ должности за то что самовольно взялъ команду и безцѣльно потерялъ 5 убитыми и 19 ранеными, къ наградамъ его отнюдь ни къ какимъ не представлять, а для несенія службы прикомандировать къ 27-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку. Командиру 26 го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка флигель-адъютанту полковнику Семенову ставлю на видъ за недостатокъ внутренняго порядка.

Приказъ № 552 стѣснилъ коменданта и частныхъ начальниковъ, а приказъ № 590 отбилъ охоту къ этому дѣлу у младшихъ офицеровъ. Въ дальнѣйшемъ вылазки производились только партіями, и организовалъ ихъ Кондратенко.

Послѣ перваго штурма непріятель приступилъ къ

инженернымъ работамъ. Воспользовавшись нѣкоторыми оврагами, лощинами и развалинами деревень Паянджуанъ и Уцзяфанъ, онъ вывелъ подступы къ гласисамъ редутовъ I и II-го, развалины которыхъ послѣ перваго штурма являлись нейтральной зоной. Вмѣшательство Стесселя въ дѣло вылазокъ парализовало возможность выбить японцевъ съ гласисовъ редутовъ I и II-го, несмотря на то, что въ это время мы владѣли такими прекрасными плацдармами въ тылу и на флангѣ ихъ расположенія, какими представлялись Водопроводный редутъ и Скалистый редутикъ. Вскорѣ начались саперныя работы японцевъ противъ Водопроводнаго и Кумирнинскаго редутовъ, а также и на западномъ фронтѣ въ направленіи Длинной и Высокой горъ.

Послѣ сильнаго обстрѣливанія послѣдовала 6-го сентября атака на Водопроводный и Кумирнинскій редуты. Первый редутъ оказалъ хотя и сильное сопротивленіе, но былъ взятъ японцами, второй былъ очищенъ подъ сильнымъ огнемъ.

Затѣмъ послѣдовала атака на Длинную гору, которую непріятель занялъ безъ упорнаго сопротивленія съ нашей стороны. Дальнѣйшія свои атаки японцы направили на Высокую гору, наступая по сѣверо-западному и юго западному склонамъ. Здѣсь было оказано непріятелю сильное сопротивленіе. Тѣмъ не менѣе, къ 9-му сентября противникъ занялъ наши окопы на скатѣ Высокой горы на юго-западной и сѣверо-восточной сторонѣ; въ нашихъ рукахъ находилась только самая вершина горы. Положеніе Высокой горы было критическое. Но въ это время успѣли вызвать скорострѣльную артиллерію (взводъ поручика Ясинскаго) къ горкѣ малой Голубиной бухты для обстрѣ-

ливанія непріятельскаго резерва и вмѣстѣ съ тѣмъ упредить всѣ ближайшіе форты, чтобы они были наготовѣ.

Скученный непріятельскій резервъ подъ дѣйствіемъ шрапнелей скорострѣльнаго взвода разсѣялся, и остатки его были добиты пушками съ фортовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ дѣйствіемъ этого огня были брошены японцами окопы на юго-западной сторонѣ Высокой горы.

Ночью же въ эти сутки дѣйствіемъ нашихъ ручныхъ бомбъ были изгнаны и истреблены японцы, засѣвшіе въ сѣверо-западныхъ окопахъ. 10-го числа мы вновь владѣли всей Высокой горой. Отбитіе 2-го штурма есть дѣло главнымъ образомъ артиллеріи. Потери, которыя понесъ непріятель, превысили наши, какъ говорятъ, почти въ 7 разъ (наши 1½ тысячи, непріятельскія около 10 тысячъ)

Здѣсь не лишне будетъ упомянуть объ отношеніи Стесселя къ газетѣ „Новый Край“. Эта газета продолжала издаваться и во время осады; по сухопутному отдѣлу предварительную цензуру держалъ штабъ раіона, а по морскому—командиръ порта. Пока военныя дѣйствія происходили у Цзиньчжоу и на Зеленыхъ горахъ, сообщенія военнаго корреспондента Ножина не вызывали никакихъ препятствій. Съ началомъ тѣснаго обложенія, Ножинъ просилъ разрѣшенія черпать свѣдѣнія изъ штаба крѣпости, а также сопровождать коменданта при его выѣздахъ на позиціи Не дать разрѣшенія не было никакихъ причинъ Въ своихъ ежедневныхъ отчетахъ Ножинъ упоминалъ между прочимъ о выѣздахъ коменданта на позиціи. Такъ какъ эти выѣзды производились на позиціи атакованныхъ фронтовъ, соединены были съ пребываніемъ подъ огнемъ

и сопровождались распоряженіями, отдаваемыми сообразуясь съ требованіями обстановки, то въ этихъ краткихъ и сухихъ отчетахъ невольно выставлялось на видъ значеніе боевой дѣятельности коменданта Говорятъ, что это очень не нравилось Стесселю. Но пока онъ находился подъ гнетомъ сдѣланныхъ ему замѣчаній со стороны командующаго арміей и намѣстника, ему не хватало смѣлости наложить на газету запрещеніе. Но какъ только Стессель получилъ званіе генералъ-адъютанта и георгіевскій крестъ, онъ не счелъ нужнымъ стѣсняться. Приказомъ 26-го августа № 579 „Новый Край“ былъ пріостановленъ на мѣсяцъ подъ предлогомъ сообщенія въ газетѣ свѣдѣнія, долженствующаго считаться секретнымъ, хотя свѣдѣніе это было пропущено его же цензурой.

Сообразивъ черезъ нѣкоторое время, что едва ли этой мѣрой вполнѣ можно достигнуть цѣли, такъ какъ г. Ножинъ продолжалъ сопровождать коменданта при его выѣздахъ и, слѣдовательно, могъ послать корреспонденцію въ другія газеты, Стессель безъ всякаго предлога лишилъ г. Ножина права быть военнымъ корреспондентомъ и посѣщать форты и батареи *).

Потерявъ возможность собирать свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ изъ первоисточника, г. Ножинъ, при-

*) Приказъ Квантунскаго укрѣпленнаго района, сентября 20 дня 1904 г. Кр. Портъ-Артуръ, № 678.

Военнаго корреспондента Ножина—я лишаю права быть военнымъ корреспондентомъ.—Свидѣтельство на право быть военнымъ корреспондентомъ сдать въ Штабъ крѣпости, а сему штабу представить въ штабъ Укрѣпленнаго района. Вмѣстѣ съ симъ—лишается права посѣщать батареи, форты и позиціи.

знавая дальнѣйшее свое пребываніе въ Артурѣ безцѣльнымъ, просилъ у коменданта разрѣшенія на выѣздъ въ Чифу.

Эти разрѣшенія давались комендантомъ всѣмъ жителямъ, желавшимъ покинуть Артуръ, и входили въ кругъ его правъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе тѣсной блокады, цѣнность джонокъ, нанимаемыхъ у китайцевъ для выѣзда изъ Артура, сильно возросла, и г. Ножинъ выхлопоталъ разрѣшеніе коменданта отправить его безплатно на одной изъ джонокъ, посылаемыхъ въ Чифу съ корреспонденціей, или на катерѣ.

По причинѣ бурной погоды, катеръ не могъ выйти. Въ виду накопившейся корреспонденціи и важности отправляемыхъ донесеній, совѣтъ адмираловъ рѣшилъ послать миноносецъ, который тоже выжидалъ лучшей погоды и менѣе бдительной блокады. Частый пріѣздъ на суда г. Ножина и пребываніе его на нихъ сдѣлались извѣстными Стесселю. Онъ призвалъ къ себѣ жандармскаго офицера ротмистра Познанскаго, находившагося въ личномъ распоряженіи коменданта для выслѣживанія японскихъ шпіоновъ, и приказалъ ему арестовать и доставить ему всѣ бумаги, замѣтки и манускрипты г. Ножина, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ считаетъ г. Ножина неблагонадежнымъ и способнымъ сообщить японцамъ за деньги свѣдѣнія о крѣпости; затѣмъ приказалъ задержать и самого Ножина. Ротмистръ Познанскій не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ миноносецъ („Расторопный“) наконецъ вышелъ, и на немъ уѣхалъ г. Ножинъ. Въ этомъ успѣшномъ отъѣздѣ преслѣдуемаго и травимаго г. Ножина генералъ-адъютантъ Стессель обвинялъ всѣхъ трехъ адмираловъ и коменданта и, кажется, хотѣлъ принести жа-

лобу по подозрѣнію въ содѣйствіи всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ побѣгу измѣнника. Кромѣ этого, въ видѣ финала Стессель отрѣшилъ отъ должности брандмейстера Вейканена за то, что Ножинъ, скрываясь отъ преслѣдованій, нѣсколько сутокъ провелъ у Вейканена.

Преслѣдуя русскую печать, Стессель въ то же время чрезвычайно чутко относился ко всякой о себѣ рекламѣ, которая помѣщалась въ иностранныхъ газетахъ при посредствѣ нѣкоторыхъ чиновъ его штаба и задобренныхъ имъ случайныхъ корреспондентовъ. Впрочемъ, врали о Стесселѣ и русскія газеты. Доказательствомъ любви его къ рекламѣ служитъ пріемъ имъ иностранныхъ корреспондентовъ Марселя Смета и Эдвина Эмерсона, прибывшихъ въ Артуръ 15-го сентября.

Въ этотъ день утромъ усмотрѣнъ былъ подъ французскимъ флагомъ вельботъ, направляющійся съ о. Млотао къ Ляотешаню. Между вельботомъ и о. Млотао видны были крейсирующіе непріятельскіе миноносцы. Когда къ вельботу подошелъ нашъ миноносецъ, то нашелъ на послѣднемъ двухъ европейцевъ, назвавшихся одинъ Марселемъ Сметомъ, а другой Эдвиномъ Эмерсономъ, корреспондентами газетъ „Matin“ и „Chicago-News“. Когда ихъ прибуксировали въ портъ, то здѣсь они начали разсказывать морскимъ офицерамъ, что Куропаткинъ у Ляояна потерпѣлъ пораженіе и отступилъ къ Тѣлину, и что Балтійская эскадра возвращается въ Либаву. Надо замѣтить, что во время осады никто въ Портъ-Артуръ русскихъ газетъ не присылалъ, иностранныя же попадали изрѣдка и случайно, и осажденные ничего не знали, что дѣлается на свѣтѣ. Извѣстія, сообщенныя корреспондентами, быстро разнеслись по городу и, конечно, не могли служить къ

подъему духа у гарнизона Когда комендантъ получилъ извѣстіе, что вельботъ буксируется въ портъ, то сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ портъ комендантскаго адъютанта, для пріема иностранцевъ и препровожденія ихъ въ Штабъ крѣпости для опроса Но Стессель послалъ своего адъютанта съ приказаніемъ отвезти ихъ къ себѣ Здѣсь Стессель угощалъ ихъ обѣдомъ, откровенно излагалъ имъ состояніе крѣпости и недостатокъ въ Артурѣ снарядовъ и въ заключеніе разрѣшилъ осмотрѣть верки и батареи Затѣмъ, *желая показать свою дѣятельность, онъ измѣнилъ* своему постоянному образу жизни: не легъ по обычаю спать послѣ обѣда, а приказалъ осѣдлать коня и при корреспондентахъ уѣхалъ на свою обычную прогулку, объяснивъ, что нетерпящія дѣла обороны требуютъ присутствія его на верках.

Узнавъ, что корреспонденты въ сопровожденіи прапорщика Малченко разгуливаютъ по веркамъ, комендантъ отправился къ Стесселю, доложилъ ему о неумѣстности такой откровенности и просилъ передать этихъ корреспондентовъ въ его распоряженіе: Смирновъ обѣщалъ, выдержавъ ихъ въ своемъ штабѣ недѣлю или десять дней и допросивъ подробно о внѣшнемъ мірѣ, отправитъ ихъ въ Чифу. Стессель на это не согласился; но неожиданно для себя комендантъ встрѣтилъ союзника въ лицѣ жены Стесселя, и тогда Стессель обѣщалъ, что ихъ отправитъ. Дѣйствительно, онъ ихъ отправилъ, но только на слѣдующій день и совершенно открыто, на виду у крейсирующихъ непріятельскихъ судовъ. Вслѣдствіе этого, корреспонденты черезъ часъ послѣ отъѣзда были забраны японцами, и послѣдніе не преминули воспользоваться свѣдѣніями, которыми съ

такою беззаботностью и откровенностью снабдилъ корреспондентовъ Стесселъ.

Обо всемъ этомъ можно прочесть въ газетѣ „Matin“ въ №№ отъ 3—7 января 1905 г. Итакъ, ради популярности и рекламы, расточая любезность и вниманіе и будучи непростительно откровененъ съ лицами совершенно чужими. Стесселъ въ то же время не остановился передъ самымъ жестокимъ произволомъ и циничнымъ обвиненіемъ чуть ли не въ измѣнѣ въ отношеніи русскаго военнаго корреспондента.

Въ заключеніе этой эпопеи Стесселемъ былъ отданъ 16-го сентября за № 663 приказъ, въ которомъ виновникомъ всего происшедшаго выставлялся комендантъ, будто бы не организовавшій самаго пріема въ крѣпости прибывающихъ постороннихъ лицъ.

„Экстренно“

ПРИКАЗЪ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго района Сентября 16 дня 1904 г. Кр. Портъ-Артуръ № 663.

Вчера, 15-го Сентября въ Артуръ изъ Чифу прибыли два корреспондента Иностранныхъ газетъ французской и нѣмецкой. Были они спущены на берегъ въ Порту безъ разрѣшенія Коменданта и безъ тщательнаго осмотра бумагъ У нихъ имѣются консульскія удостовѣренія, но нѣтъ оффиціальнаго разрѣшенія изъ Штаба Арміи быть военными корреспондентами. Прибыли они разумѣется чтобы пронюхать каково настроеніе въ Артурѣ, такъ какъ въ одной газеткѣ пишутъ, что мы уже землю ѣдимъ, въ другой, что у насъ музыка играетъ и мы ни въ чемъ не нуждаемся. Продержавъ ихъ сутки при Штабѣ Корпуса подъ надзоромъ офицера, я предписалъ Начальнику Штаба произвести осмотръ бумагъ ихъ, такъ какъ они прибыли безъ вещей, а затѣмъ немедля выселить изъ крѣпости такъ какъ я не

имѣю данныхъ разрѣшить имъ пребываніе; и безъ того въ иностранныхъ газетахъ печатается всякій вздоръ, начиная отъ взятія Портъ-Артура и до отступленія генералъ адъютанта Куропаткина чуть не до Харбина. А вѣдь у насъ извѣстно какъ дѣлается: мы первые всякой газетѣ вѣримъ будь тамъ написано хотя видимый для всѣхъ вздоръ напр., что Куропаткинъ отошелъ туда-то, а когда посмотрѣть это разстояніе, то видимо, что надо въ два дня сдѣлать 150 верстъ, но наши умники всетаки вѣрятъ, потому въ газетѣ написано, да еще въ Иностранной Впредь прошу Портовое Начальство отнюдь никого не спускать на берегъ безъ разрѣшенія Коменданта Крѣпости или, разумѣется, моего и безъ тщательнаго осмотра документовъ. Коменданту-же предлагаю организовать это дѣло

2-го октября Стесселемъ былъ отданъ по району приказъ, въ которомъ дѣлалось замѣчаніе коменданту крѣпости по поводу загрязненія въ Дальнинскомъ госпиталѣ.

Читавшихъ этотъ приказъ занималъ вопросъ, какимъ образомъ Стессель могъ осмотрѣть Дальнинскій госпиталь, когда путь къ нему и Новый Городъ непріятель уже болѣе недѣли держалъ подъ постояннымъ обстрѣломъ, между тѣмъ какъ для всѣхъ артурцевъ было тогда непреложной истиной, что тамъ, гдѣ ложатся непріятельскіе снаряды, никогда Стессель не показывается. На самомъ дѣлѣ Дальнинскій госпиталь содержался въ полномъ порядкѣ. Окружающая мѣстность содержалась тоже въ порядкѣ: ни грязи, ни сору нигдѣ не было, а по валяющимся въ иныхъ мѣстахъ камнямъ и отдѣльнымъ щепкамъ видно было, что спеціальной уборки послѣ отданнаго Стесселемъ приказа не производилось.

Самъ Стессель вовсе въ госпиталь не пріѣзжалъ. Причиной отданія приказа были какія-то интриги.

Подобныя извращенія истины и несправедливыя замѣчанія, конечно, легко могли бы быть терпимы до конца осады, лишь бы только Стессель не вмѣшивался въ главное дѣло, въ самую защиту крѣпости. Къ сожалѣнію, желаніе оправдать тѣ награды, которыя онъ получилъ такъ неожиданно какъ для себя, такъ и для всѣхъ свидѣтелей его дѣятельности, побуждало его вмѣшаться и пристроиться къ дѣлу защиты Артура.

Въ это же время особенно часто сталъ писать свои замѣтки генералъ Фокъ; перепечатывая ихъ на пишущей машинѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, онъ распространялъ ихъ въ гарнизонѣ. Замѣтки эти названы были подпольной литературой, и цѣлью ихъ было представить неумѣлыми и бездарными нѣкоторыхъ дѣятелей обороны: Кондратенко, Бѣлаго, инженеровъ и, во главѣ ихъ, полковника Григоренко.

Въ началѣ октября, когда головы непріятельскихъ сапъ подошли къ гласисамъ (укрѣпленія 3-го на 60 шаговъ, форта III къ вѣнчанію и форта II на 40 шаговъ), Фокъ подалъ записку, въ которой объяснялъ успѣхъ непріятельскихъ работъ неспособностью къ дѣйствію нашей крѣпостной артиллеріи, въ особенности берегового фронта, изъ орудій котораго не стрѣляютъ по головамъ сапъ. Такъ какъ гласисы фортовъ и укрѣпленій сѣверо-восточнаго фронта сливались съ природными отлогостями сопокъ, на которыхъ расположены были укрѣпленія; наклонъ отлогостей этихъ сопокъ составлялъ 30°—40°; высота сопокъ была не меньше высоты береговаго фронта, на которомъ расположены батареи и, наконецъ, сами береговыя батареи вооружены главнымъ образомъ длинными пушками и удалены отъ непріятельскихъ сапъ на 4—5 верстъ,— то

становится, даже человѣку малосвѣдущему въ артиллерійскомъ дѣлѣ, ясной невозможность и безцѣльность стрѣльбы изъ этихъ орудій по столь мелкимъ и закрытымъ цѣлямъ, какъ сапы непріятеля; даже при подборѣ уменьшеннаго заряда, при сегментномъ снарядѣ, нельзя было разсчитывать на дѣйствительную стрѣльбу. Между тѣмъ, Стессель по этому поводу собралъ цѣлый совѣтъ. На этомъ совѣтѣ Бѣлый объяснилъ Стесселю и Фоку, что стрѣльба съ береговаго фронта по непріятелю производится постоянно въ зависимости отъ важности цѣли, причемъ мортирныя батареи (11″ и 9″) стрѣляютъ по площадямъ, примыкающимъ къ гласису, во время непріятельскихъ штурмовъ. Въ результатѣ, со стороны Стесселя обнаружено непониманіе, чего собственно онъ хотѣлъ и что можетъ быть сдѣлано артиллерійскимъ огнемъ.

Въ первой половинѣ октября (числа 13-го или 14-го) Стессель отдалъ Бѣлому приказаніе съ заходомъ солнца открыть стрѣльбу съ сѣверо-восточнаго фронта по прилежащей къ укрѣпленіямъ мѣстности,—въ началѣ рѣдкую, затѣмъ между 7 и 8 часами вечера частую и потомъ до 10 часовъ рѣдкую. Причиною этого было личное предположеніе Стесселя, что непріятель можетъ произвести въ это время штурмъ. Никакого штурма въ дѣйствительности не было, мы же истратили напрасно нѣсколько тысячъ снарядовъ. Въ дѣйствительности штурмъ послѣдовалъ только 17-го октября.

Къ подобнаго же рода случаямъ вмѣшательства, наносящаго ущербъ оборонѣ, принадлежитъ распоряженіе Стесселя, отданное непосредственно контръ-адмиралу Вирену о посылкѣ на западный фронтъ

части морского резерва для работъ на Высокой и Плоской горахъ.

Согласно отданному комендантомъ ранѣе распоряженію крѣпостныя работы должны были производиться слѣдующимъ образомъ: возстановленіе верковъ и блиндажей въ 1-ой линіи войсками этой линіи съ помощью войскъ частнаго резерва; работы на 2-ой линіи войсками частнаго резерва при помощи войскъ общаго резерва и, наконецъ, возведеніе 3-ей линіи обороны войсками общаго резерва. Вмѣшательство Стесселя касательно отправленія 300 моряковъ изъ общаго резерва нарушило весь порядокъ и ослабило работы на 3-ей линіи и временно силы общаго резерва, который предназначался комендантомъ главнымъ образомъ на восточномъ фронтѣ для отбиванія штурмовъ.

При посредствѣ Кондратенко удалось вернуть 200 моряковъ съ западнаго на восточный фронтъ.

Теперь коснемся того, насколько неблагопріятное вліяніе оказывалъ Стессель своими распоряженіями и личнымъ примѣромъ на духъ гарнизона.

Съ первыхъ же дней осады Смирновъ и Кондратенко старались внушить войскамъ, что форты не сдаются, а умираютъ, и что гарнизоны фортовъ и укрѣпленій всегда могутъ разсчитывать на поддержку, но никогда—на выводъ изъ фортовъ. Третій штурмъ (17-го октября), во время котораго форты проявили замѣчательную устойчивость, показалъ, что принципъ этотъ достаточно твердо усвоенъ защитниками боевой линіи.

Между тѣмъ, появилась подпольная записка Фока, въ которой онъ, ссылаясь на примѣръ Малахова кургана, совѣтовалъ Стесселю заложить мины для взрыва

фортовъ, когда явится необходимость ихъ оставить Несмотря на указанія, что мы этимъ никакой пользы не пріобрѣтемъ, а только подорвемъ нравственный принципъ защиты форта до послѣдняго конца и деморализуемъ гарнизонъ: несмотря на заявленія, что результатъ такихъ взрывовъ будетъ самый ничтожный, а между тѣмъ закладка теперь минъ опасна для гарнизона въ виду того, что случайное попаданіе въ это мѣсто 11″ снаряда можетъ вызвать несвоевременный взрывъ,—несмотря на все это Стессель настоялъ на своемъ. Одинъ изъ комендантовъ фортовъ (поручикъ Ф. на форту II) прямо объявилъ, что пока онъ на форту, онъ не позволитъ закладки минъ

Между тѣмъ, такая деликатная сторона, какъ психическое состояніе защитниковъ, требовала особаго вниманія и ухода со стороны начальствующихъ лицъ. Самый нелѣпый слухъ могъ деморализовать ту или другую часть. Какъ на примѣръ послѣдней, приведемъ слѣдующій случай. Съ подходомъ непріятеля шаговъ на сорокъ къ гребню гласиса форта II, явились нѣкоторые признаки, показывающіе, что противникъ началъ вести минную галлерею. Тогда нами изъ контръ-эскарповой галлереи поведены были въ двухъ направленіяхъ подъ сходящимся угломъ контръ-минныя галлереи. Грунтъ былъ скалистый, слоистый, и работы подвигались не особенно быстро. Наконецъ, услышаны были подземныя работы противника. Это произвело сильное впечатлѣніе на защитниковъ форта. Кто-то распустилъ слухъ, что непріятель заложитъ скоро горнъ въ нѣсколько сотъ пудовъ динамита, и тогда весь фортъ взлетитъ на воздухъ. Полковникъ Григоренко доложилъ объ этомъ коменданту, доба-

вивъ, что вслѣдствіе этого слуха духъ гарнизона форта подавленъ Комендантъ приказалъ ускоренно вести работы нашихъ галлереи и доложить, когда послѣднія подвинутся впередъ настолько, что можно будетъ рѣшиться заложить камуфлетъ.

13-го октября, послѣ полудня, Григоренко доложилъ коменданту, что, повидимому, время для закладки камуфлета назрѣло. Въ тотъ же день вечеромъ комендантъ отправился на фортъ II выслушивать непріятельскія работы. Уже нѣсколько сутокъ непріятель держалъ фортъ II днемъ и ночью подъ непрерывнымъ огнемъ 11″ мортиръ и 6″ пушекъ, а по вечерамъ и ночью осыпалъ еще подступы къ форту изъ пулеметовъ и ружей. Непріятелю нужно было изолировать этотъ фортъ отъ всякихъ сношеній съ крѣпостью. При такихъ обстоятельствахъ комендантъ, въ сопровожденіи адъютанта, поручика Гаммеръ, пробрался въ 8 час. вечера на фортъ, выслушалъ работы непріятеля какъ въ одной штольнѣ, такъ и въ другой, и затѣмъ на совѣщаніи въ казематѣ (въ которомъ впослѣдствіи былъ убитъ Кондратенко) съ полковниками Григоренко и Третьяковымъ, подполковникомъ Рашевскимъ, капитаномъ Рѣзановымъ, поручикомъ Рейнботъ и прапорщикомъ Бергомъ (производители работъ) рѣшилъ произвести закладку камуфлета.

Около 11 часовъ слѣдующаго дня (14 октября) закладка была готова. Отправившись на фортъ и провѣривъ забивку, комендантъ собственноручно взорвалъ камуфлетъ. Взрывъ былъ весьма удаченъ: камуфлетъ, пробивъ путь въ непріятельскую галлерею, вынесъ вверхъ черезъ основаніе бревна, доски, ми-

неровъ, образовавъ надъ основаніемъ нѣчто вродѣ Пиніева столба. Все это произвело на духъ гарнизона отличное впечатлѣніе, и всякая боязнь быть взорваннымъ непріятельскимъ горномъ пропала. На этотъ разъ слухъ, пущенный какимъ-то безвѣстнымъ защитникомъ форта, былъ парализованъ.

Къ сожалѣнію, черезъ полтора мѣсяца относительно этого же форта еще болѣе деморализующій слухъ пустилъ генералъ Фокъ, написавъ записку, въ которой онъ предрекалъ, что головы, руки и ноги защитниковъ форта II вскорѣ взлетятъ на воздухъ и покроютъ собою сосѣдній Куропаткинскій люнетъ. На этотъ разъ комендантъ не успѣлъ ничего сдѣлать, такъ какъ Фокъ поспѣшилъ помимо его сдать этотъ фортъ непріятелю, какъ объ этомъ изложимъ въ своемъ мѣстѣ.

19-го октября въ штабѣ генералъ-адъютанта Куропаткина была получена телеграмма изъ Портъ-Артура слѣдующаго содержанія:

„Наши вылазки и контръ-апроши успѣха не имѣли; наши контръ-мины заставили непріятеля бросить подземную войну. Въ продолженіе послѣдняго мѣсяца непріятель производилъ непрерывную бомбардировку города, порта и судовъ. Съ 13-го по 18-е непріятель штурмовалъ сѣверо-восточный фронтъ на протяженіи отъ лит. Б. до Курганной батареи. На всемъ протяженіи штурмъ былъ отбитъ. Наши потери за весь періодъ съ сентябрьскаго штурма по настоящее время около 2 800 человѣкъ. Потери же непріятеля за все время штурма, по словамъ китайцевъ-лазутчиковъ, превышаютъ 7 тысячъ человѣкъ. Парохода со снарядами все еще нѣтъ; чтобы поддержать жизнь свою, артиллерія приступила къ отливкѣ таковыхъ изъ чугуна и бронзы, подбирая неразорвавшіеся непріятельскіе и ихъ переснаряжая. Болѣзненность сильно увеличивается вслѣдствіе скудости питанія,

медикаменты и перевязочныя средства изсякли, войска утомлены и обезсилены непрерывными боями: тѣмъ не менѣе, весь гарнизонъ проникнутъ мыслью скорѣе погибнуть, чѣмъ отдать врагу Артуръ. Генералъ-лейтенантъ Смирновъ"

Крайне неблагопріятное на всѣхъ впечатлѣніе произвело распоряженіе Стесселя закрыть отрядную церковь. Съ самаго начала тѣснаго обложенія въ эту церковь начали попадать снаряды. Изъяны, производимые снарядами, быстро задѣлывались, и въ свое время служба въ церкви отправлялась. Вообще же, попаданія въ церковь были случайныя, такъ какъ японцы спеціально въ нее не направляли своихъ выстрѣловъ. Помимо коменданта и не спрашивая мнѣнія протоіерея Глаголева, Стессель приказалъ сосуды и образа изъ церкви вынести и церковь закрыть. Протоіерей Глаголевъ отправился къ Стесселю съ просьбой оставить храмъ для богослуженія, но Стессель грубо ему отказалъ, назвавъ его просьбу іезуитскою. Дѣйствительной же причиной закрытія церкви считали боязнь Стесселя отбывать парады, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, въ такомъ опасномъ мѣстѣ, какъ отрядная церковь, почему онъ и перенесъ мѣсто парадовъ на совершенно закрытую и необстрѣливаемую площадь казармъ 10-го стрѣлковаго полка.

Вообще личное поведеніе Стесселя деморализовало гарнизонъ и жителей. Будучи крайне малодушенъ, онъ никогда не показывался на боевыхъ позиціяхъ, самъ же ругалъ жителей блиндажниками и трусами. Когда въ сентябрѣ около квартиръ начальствующихъ лицъ упало нѣсколько снарядовъ, разбило заборъ и осыпало осколками дома, Стессель началъ

переселяться въ другую часть города (въ домъ генерала Волкова). Уже перевезены были цвѣты, скарбъ и часть мебели, когда въ избранный домъ попалъ снарядъ; тогда весь скарбъ, цвѣты и прочее вновь потащились назадъ въ прежнее помѣщеніе, и на этотъ разъ переселеніе не состоялось.

Въ концѣ ноября непріятель сталъ обстрѣливать кварталъ, гдѣ жили начальствующія лица, изъ 11″ мортиръ Тогда послѣдовало второе переселеніе Стесселя въ районъ 10-го полка (домъ полковника Деллинена), мѣсто совершенно укрытое отъ взоровъ и снарядовъ противника. Здѣсь Стессель прожилъ совершенно безопасно до самаго кануна обстрѣливанія непріятелемъ помѣщенія 10-го полка и поспѣшилъ сдать крѣпость, когда убѣдился, что явилась для непріятеля возможность обстрѣливать еще дѣвственный въ этомъ отношеніи кварталъ помѣщеній 10-го полка. Такое поведеніе Стесселя вызывало постоянныя насмѣшки со стороны не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ и частныхъ жителей, за что Стессель жестоко мстилъ, когда доходило это до его свѣдѣнія.

Не малымъ поводомъ къ деморализаціи въ гарнизонѣ служила раздача Стесселемъ наградъ. По предоставленной ему власти онъ могъ награждать нижнихъ чиновъ всѣми 4-мя степенями знака отличія Военнаго Ордена, а офицеровъ—орденами св. Станислава 3 ст. и Анны 4 и 3 степени. Относительно раздачи крестовъ нижнимъ чинамъ была большая неурядица, и потому явилось очень много обиженныхъ; относительно же офицеровъ Стессель придерживался, главнымъ образомъ, правила награждать не за военныя заслуги, а за угодливость. Представлялись къ Георгіевскому

кресту и золотому оружію даже такіе, которые ни въ какихъ дѣлахъ участія не принимали Тѣхъ же, которыхъ Стессель считалъ къ нему не расположенными, онъ или вовсе не представлялъ къ наградамъ, или представлялъ къ очереднымъ.

III.

Первый намекъ на намѣреніе Стесселя вести крѣпость къ скорѣйшей сдачѣ можно было усмотрѣть изъ даннаго коменданту въ началѣ ноября предписанія, въ которомъ ему запрещалось производить работы на 2-й и 3-й линіяхъ и вмѣсто того предлагалось посылать людей общаго резерва для работы на 1-й линіи. Оборона крѣпости съ переходомъ на 2-ю и затѣмъ на 3-ю линію была для Стесселя крайне несимпатичной, такъ какъ съ перенесеніемъ обороны на эти линіи всѣ зданія стараго города подвергались бы обстрѣлу, и негдѣ было бы скрыться отъ опасности.

Между тѣмъ, въ штабѣ генерала Куропаткина вскорѣ одна за другой были получены изъ Портъ-Артура двѣ телеграммы. Первая около 20-го ноября:

„Послѣ послѣдняго штурма непріятель, увѣнчавъ гласисы на укрѣпленіяхъ, устраивалъ переходы черезъ рвы въ то же время производилъ непрерывную бомбардировку по городу, порту и внутреннему рейду при посредствѣ 11 дюймовыхъ гаубицъ. Большая часть деревянныхъ судовъ затоплена, бронированныя терпятъ серьезныя поврежденія,

7-го ноября непріятель произвелъ частные штурмы на фортъ 3-й и укрѣпленіе 3-е и 9-го числа на лит. Б и на фортъ 2-й; штурмы эти были отбиты 13-го числа послѣдовалъ общій штурмъ на сѣверо-восточный фронтъ, каковой

тоже былъ отбитъ. Съ 15-го послѣдовалъ рядъ штурмовъ на Высокую гору, а также нападеніе на наши позиціи на Голубиной бухтѣ; штурмы эти продолжались до 19-го; здѣсь мы тоже удержали свои позиціи. Потери непріятеля за послѣдній мѣсяцъ, по словамъ лазутчиковъ, превосходили 18 тысячъ, наши потери около 4½ тысячъ Болѣзненность сильно прогрессируетъ, особенно цынга По недостатку медицинскихъ средствъ раненые мало выздоравливаютъ, смертность становится большая, вслѣдствіе безпрерывной большой убыли, гарнизонъ уже не отвѣчаетъ полигону крѣпости Средства обороны истощаются Положеніе вещей принимаетъ особенно серьезный характеръ. Для славы Русскаго Царя и чести дорогой родины сдѣлано будетъ все, въ человѣческихъ силахъ возможное, для дальнѣйшей защиты Артура и затѣмъ на развалинахъ его всѣ умремъ безропотно".

2-я телеграмма черезъ 4 дня:

„Доношу, что съ 21 по 23 были вновь произведены отчаянные штурмы на Высокую гору, каковую мы принуждены были уступить противнику Съ овладѣніемъ этой горой непріятель пріобрѣлъ прекрасный наблюдательный пунктъ для корректированія стрѣльбы изъ 11 дюймовыхъ гаубицъ, снарядами каковыхъ орудій можно привести нашъ бронированный флотъ въ окончательную негодность. Потери наши во время послѣдняго штурма около 1 тысячи человѣкъ".

Обѣ телеграммы за подписью „генералъ-лейтенантъ Смирновъ".

Окончательное намѣреніе сдать поскорѣе крѣпость созрѣло повидимому у Стесселя послѣ паденія Высокой горы Паденіе этой горы имѣло громадное значеніе для нашего флота, но для защиты самой крѣпости Высокая гора имѣла второстепенное значеніе. По овладѣніи этой горой, противнику надо было идти своими, сапами еще 1½ версты, чтобы подойти къ гласису ближайшаго форта V. Конечно, съ паденіемъ Высокой горы становилось опаснымъ жить не только въ Но-

юмъ, но даже и въ Старомъ городѣ, что болѣе всего, какъ говорятъ, смущало Стесселя.

Для большей полноты нашей грустной эпопеи считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о порт-артурскомъ флотѣ: заимствуемъ ихъ изъ донесеній контръ-адмирала Вирена намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ. Изъ донесеній вполнѣ явствуетъ полная невозможность нашего флота бороться съ японскимъ, а тѣмъ болѣе прорываться изъ Артура во Владивостокъ. Отпадаетъ само собой и взведенное своевременно печатью обвиненіе на контръ-адмирала князя Ухтомскаго за бой 28-го іюля,—послѣднее, впрочемъ, болѣе ясно обнаруживается изъ донесенія Стесселю командующаго отрядомъ эскадренныхъ броненосцевъ и крейсеровъ. Итакъ, приводимъ, съ небольшими сокращеніями, донесеніе намѣстнику.

„Доношу Вашему Высокопревосходительству, что въ настоящій моментъ суда ввѣреннаго мнѣ отряда находятся въ слѣдующемъ состояніи:

а) *По корпусу.* Исправленія „Пересвѣта“, „Побѣды“, „Ретвизана“, „Паллады“ закончены; „Полтавы“ и „Баяна“ заканчиваются. „Севастополю“ подведенъ кессонъ, пробоина можетъ быть задѣлана черезъ 6—7 недѣль Поврежденіе наружнаго борта закрыто листами съ временнымъ подкрѣпленіемъ разрушенныхъ внутреннихъ крѣпленій — гдѣ оказалось возможнымъ.

б) *По артиллеріи.* Съ начала военныхъ дѣйствій выведено изъ строя два орудія

Послѣ протокола 6-го августа отдано на усиленіе береговыхъ укрѣпленій:

6 дм.	75 mm.	47 mm.	37 mm.	Прожекторовъ
1	10	19	8	3.

в) *По личному составу.* Командиръ эскадреннаго броненосца „Пересвѣтъ“ капитанъ 1 ранга Бойсманъ лечится отъ

полученныхъ ранъ и лежитъ на „Монголіи“. Убито офицеровъ въ бою 28-го—2, во время штурма—2, ранено и не можетъ быть въ строю—11.

Донося о вышеизложенномъ состояніи отряда, и о томъ, что всѣ мысли и стремленія мои направлены къ тому, чтобы исполнить Высочайшую волю и начертанія и указанія Вашего Высокопревосходительства, считаю своимъ долгомъ высказать слѣдующія соображенія:

Бывшая у насъ эскадра, а тѣмъ болѣе ввѣренный мнѣ отрядъ, имѣя наибольшій ходъ 13 узловъ („Севастополь“ и „Полтава“), не имѣетъ возможности *безъ боя* прорваться во Владивостокъ, а результатъ боя не трудно себѣ представить, даже если суда были бы лучше непріятельскихъ по своимъ боевымъ качествамъ, т. е. главнымъ образомъ по мѣткости стрѣльбы,—и вотъ на основаніи какихъ разсужденій: положимъ, отрядъ выйдетъ благополучно изъ Портъ-Артура черезъ минное заграждепіе, которое за послѣдній мѣсяцъ стало болѣе опаснымъ, такъ какъ непріятель непрерывно подбрасывалъ мины, а караванъ хотя и тралилъ ежедневно, но, имѣя мало средствъ, мало катеровъ, гибель одного землечерпательнаго парохода, портоваго баркаса и 2-хъ миноносцевъ, не успѣваетъ вытраливать. Незамѣченнымъ выйти *невозможно*, при постоянной блокадѣ. Наибольшій ходъ отряда можетъ быть 13 узловъ.

Непріятель насъ встрѣтитъ 3 или 4-мя отрядами:

1) Отрядъ эскадренныхъ броненосцевъ и бронированныхъ крейсеровъ—(6 судовъ).

2) Отрядъ быстроходныхъ 2-го класса съ однимъ крейсеромъ 1-го класса (Якума)—(5 судовъ)

3) Броненосцы береговой обороны и 1 бронированный крейсеръ (Токива)—(7 судовъ).

4) Нѣсколько отрядовъ миноносцевъ и минныхъ истребителей.

Вступить въ бой по нашему желанію мы *не можемъ*, такъ какъ непріятель, преобладая ходомъ, уклонится отъ боя, если онъ не желаетъ сражаться, и будетъ провожать нашъ отрядъ до того момента, когда ему будетъ выгодно вступить въ бой, а именно: 1) когда нашъ отрядъ отъ Артура миль

на 70, 2) когда онъ сосредоточитъ всѣ свои силы и передастъ необходимыя приказанія, 3) когда займетъ выгодное положеніе относительно нашего отряда, въ зависимости солнца и по состоянію моря

Какъ и 28-го іюня, настоящій бой по всей вѣроятности начнется послѣ полудня; при этомъ каждое изъ непріятельскихъ кораблей, получивъ серьезную пробоину или временное поврежденіе, можетъ благоразумно выйти изъ строя, чтобы осмотрѣться и оправиться или отойти къ своему берегу, *никого не опасаясь*,—въ то время, какъ каждый изъ нашихъ судовъ, выйдя изъ строя, вслѣдствіе хотя бы временнаго поврежденія, будетъ добычей 2—3 или 4 непріятельскихъ отрядовъ и въ лучшемъ случаѣ выбросится на нейтральный берегъ, или попадетъ въ нейтральный портъ и выведетъ себя изъ строя для настоящей войны.

Такимъ образомъ, японцы имѣютъ полную возможность побѣдить насъ, не выведя изъ строя ни одинъ изъ своихъ большихъ кораблей, а всѣ поврежденія по корпусу и артиллеріи они быстро поправятъ въ своихъ портахъ замѣнивъ подбитыя орудія и пополнивъ команду Съ закатомъ солнца бои большихъ кораблей *по желанію непріятеля* прекратится, и онъ отойдетъ, чтобы спокойно отдохнуть, прибраться и осмотрѣться, предоставивъ 2-му, 3, а главное 4-му отряду миноносцевъ атаковать или тревожить насъ всю ночь, чтобы не дать отдыха нашему личному составу и заставить насъ тратить снаряды,—и такъ до утра. Ходъ нашего отряда по всей вѣроятности *уменьшится*, такъ какъ разбитыя трубы (одно изъ главныхъ разрушеній на судахъ 28-го іюня) не позволятъ держать требуемое давленіе пара, и расходъ угля увеличится. Если при 13 узлахъ перехода до Владивостока требуется 4 дня, то съ уменьшеніемъ хода онъ увеличится, и съ ходомъ въ 8 узловъ потребуется уже 6 сутокъ. На другое утро непріятельскіе броненосцы, оправившись и отдохнувъ, опять, *по своему желанію* выбравъ моментъ, набросятся на нашъ утомленный суточнымъ боемъ отрядъ, и такъ далѣе—можно ожидать будетъ его тактики до о-ва Цусимы, гдѣ насъ поджидаетъ свѣжій отрядъ 4 бронированныхъ крейсеровъ и миноносцевъ; и тутъ вблизи своихъ береговъ, своихъ крѣпостей и портовъ непріятель постарается дать серьезный

бой: таранить непріятеля при всемъ желаніи *мы не можемъ* этотъ маневръ можетъ дѣлать только преобладающій ходомъ; при такой обстановкѣ никакія физическія силы не выдержатъ и ни одинъ корабль; развѣ чудомъ, дойдутъ до Владивостока,—и мы, потерявъ остатокъ нашей Тихоокеанской эскадры, дадимъ непріятелю новую побѣду, а главное лишимъ возможности идущей изъ Балтійскаго моря эскадръ разбить японскій флотъ, такъ какъ она сама по себѣ слабѣе непріятеля какъ по количеству судовъ, по числу орудій, по разнотипности, меньшей скорости и тѣмъ, что ей *тоже придется прорываться къ своей базѣ—Владивостоку, безъ которой ни одинъ флотъ оперировать не можетъ*"

Послѣ боя 28-го іюля эскадренные броненосцы „Ретвизань", „Полтава" и „Пересвѣтъ" дошли до Портъ-Артура только благодаря полному штилю, а продолжая идти во Владивостокъ, *даже безъ боя*, принуждены были бы выброситься куда-нибудь на берегъ или войти въ нейтральный портъ, какъ это сдѣлалъ эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ", крейсеръ 1 ранга „Аскольдъ" и другіе.

А вотъ и еще документъ,—это подробное донесеніе о состояніи эскадры въ ея послѣднихъ дняхъ. Вызвано оно было непрекращавшимися домогательствами Стесселя къ флоту и его особымъ запросомъ адмиралу Вирену отъ 24 ноября за № 2241. Помимо личной непріязни, на Стесселя сильно вліялъ и генералъ Никитинъ, ненавидѣвшій флотъ. Надо замѣтить что Никитинъ, котораго Стессель титуловалъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ телеграммахъ, какъ „истиннаго героя и помощника", по нашимъ свѣдѣніямъ, ничѣмъ не проявилъ себя во время осады. Никакого отношенія къ крѣпости онъ не имѣлъ. По должности своей онъ былъ начальникомъ артиллеріи 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса и попалъ въ Артуръ совершенно случайно, пріѣхавъ явиться своему командиру корпуса, — въ то время ген. Стесселю,—но за отрѣзанностью сообщенія непріятелемъ такъ въ немъ и остался. Прежде всего,

Никитинъ—старый товарищъ Стесселя и съ нимъ на „ты“. Это было главнымъ поводомъ къ той извѣстности и къ тѣмъ наградамъ, которыми, не въ примѣръ прочимъ, старался наградить своего „товарища“ Стессель. Какъ человѣкъ хитрый, Никитинъ сразу съумѣлъ оріентироваться въ своей обстановкѣ: онъ смотрѣлъ въ глаза Стесселю и громко вторилъ ему въ тонъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы создать себѣ карьеру, будучи въ сторонѣ отъ всякаго дѣла. Сначала Стессель придумалъ ему назначеніе начальника всей полевой артиллеріи, когда она находилась еще на передовыхъ позиціяхъ Здѣсь было много дѣла, и много пользы можно было бы принести, но, какъ бездарный и безличный человѣкъ, Никитинъ не могъ ничего сдѣлать. Никто никогда не слышалъ отъ него ни одного распоряженія по части артиллеріи.

Во время осады крѣпости, когда вся артиллерія перешла въ вѣдѣніе Бѣлаго, Никитинъ ни къ какому дѣлу пріуроченъ не былъ, отчасти по его болѣзненности: онъ сидѣлъ большую часть времени дома, за стаканомъ „добраго вина“, да изрѣдка навѣдывалъ Стесселя. Иногда въ качествѣ „гастролера“ или „туриста“, какъ онъ самъ выражался, пріѣзжалъ онъ на нѣкоторыя позиціи и... уѣзжалъ обратно на покой. Подъ конецъ Стессель придумалъ для него довольно комичное назначеніе: повѣрять и слѣдить, чтобы ночью не спали на позиціяхъ(??!!). Вотъ вся его дѣятельность. Все свободное время генералъ этотъ на чемъ свѣтъ стоитъ ругалъ нашъ флотъ, не стѣсняясь даже присутствіемъ нижнихъ чиновъ. Единственная заслуга Никитина—его нежеланіе сдачи крѣпости. Итакъ, приводимъ вышеупомянутый документъ, явившійся отвѣтомъ на нападки Стесселя подъ вліяніемъ Никитина.

Командующій
отрядомъ эскадренныхъ броненосцевъ и крейсеровъ
въ П. Артурѣ.
——

Начальнику Квантунскаго Укрѣпленнаго района.

„На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 25 сего ноября за № 2241 сообщаю:

Выходъ эскадры 28 го іюля с. г. для прорыва во Владивостокъ былъ предпринятъ по Высочайшему повелѣнію, переданному телеграммою Намѣстника Его Императорскаго Величества, хотя большинство адмираловъ и командировъ было того мнѣнія, что прорывъ невозможенъ, принимая во вниманіе превосходство силъ непріятеля, — какъ по числу судовъ, числу орудій, отдѣльныхъ крейсерскихъ и минныхъ отрядовъ, большей скорости хода и большаго разстоянія до Владивостока, безъ портовъ по пути,—а также необходимость прорываться черезъ непріятельскій проливъ у острова Цусимы.

Въ лучшемъ случаѣ, наши суда, истративъ свои снаряды въ перемѣнныхъ бояхъ съ эскадренными броненосцами и при отраженіи ночныхъ минныхъ атакъ и подбитые, какъ эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ“, искали бы убѣжища въ нейтральномъ порту и умерли бы для этой войны; едва ли кто-либо дошелъ бы до Владивостока, такъ какъ самому быстроходному крейсеру „Новикъ“ при благопріятныхъ условіяхъ не удалось этого сдѣлать

Вся наша эскадра была бы потеряна еще въ концѣ іюля, въ то время какъ японскій флотъ имѣлъ полную возможность, благодаря вышеуказаннымъ преиму-

ществамъ и тому обстоятельству, что онъ, идя съ нами параллельно, шелъ къ своимъ портамъ, такъ вести бой, что никто изъ его большихъ кораблей не былъ бы выведенъ изъ строя; и какъ бы непріятельскія суда ни были подбиты послѣ этихъ боевъ, японскій флотъ успѣлъ бы вполнѣ обновиться и поправиться до прихода эскадры адмирала Рожественскаго, который не могъ и не можетъ состояться ранѣе конца декабря, а вѣрнѣе и новаго года, т. е. встрѣтить его въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ теперь находится.

По возвращеніи нашей эскадры въ Портъ-Артуръ послѣ боя 28-го іюля съ менѣе чѣмъ половиннымъ запасомъ снарядовъ и искалѣченными судами и многими разбитыми пушками,—эта задача, т. е. прорывъ во Владивостокъ, стала еще менѣе возможной. Черезъ нѣсколько дней по приходѣ эскадры начались августовскіе штурмы, въ которыхъ принялъ серьезное участіе нашъ дессантъ, при чемъ погибло нѣсколько офицеровъ и много нижнихъ чиновъ. Собраніемъ флагмановъ и командировъ отъ 6 -го августа составленъ былъ протоколъ, копію коего при семъ прилагаю. Согласно этого протокола, было рѣшено помогать крѣпости всѣми средствами до послѣдней возможности, что нами до сего дня и было исполняемо съ полнымъ стараніемъ и добросовѣстно. Всѣ орудія, которыя требовались на позиціи, давались съ судовъ и устанавливались, снаряды всѣхъ калибровъ постепенно расходуются на береговыхъ батареяхъ, чины отряда работали всякій по своей спеціальности для защиты крѣпости и принимали самое дѣятельное участіе при отраженіи штурмовъ въ сентябрѣ (Высокая Гора), въ октябрѣ и наконецъ въ ноябрѣ на Курганной, Лит. Б., на Высокой, гдѣ погибло такъ много офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

До взятія Высокой корабли чинились по возможности, но эскадрѣ адмирала Рожественскаго они могли бы помочь *только послѣ освобожденія Портъ-Артура съ суши*, когда бы намъ подвезли снаряды, пушки дали бы возможность окончательно починиться; объ этомъ адмиралъ Рожественскій отлично знаетъ.

Теперь суда отряда затоплены; за исключеніемъ небольшого количества 47 m m патроновъ и 12-ти всѣ остальные боевые запасы успѣли свезти на берегъ. Команды и офицеры перебрались на берегъ командиры работаютъ, какъ и ранѣе, въ лабораторіи ими же пополняется убыль на батареяхъ. Минеры заняты выдѣлкой бомбочекъ и много машинистовъ отливаютъ и готовятъ снаряды и литье, остальная часть команды съ офицерами, около 500 человѣкъ, составитъ послѣдній резервъ, и такимъ образомъ отрядъ до конца всѣми средствами и личнымъ составомъ поможетъ крѣпости обороняться противъ непріятеля. Что касается до затопленія судовъ, то приняты мѣры чтобы цѣлыя орудія еще не достались бы трофеями непріятелю, если крѣпость падетъ. Одинъ уцѣлѣвшій броненосецъ „Севастополь“ попробую поставить на якорь у Бѣлаго Волка, гдѣ онъ, конечно, будетъ подвергаться минннымъ атакамъ и рискуетъ затонуть на рейдѣ. Конечно, горестно потерять такъ свой флотъ, но если Богъ дастъ намъ отстоять крѣпость до выручки съ суши, то я увѣренъ, что всѣ безпристрастные люди въ Портъ-Артурѣ скажутъ, что безъ той помощи, которую далъ флотъ, Портъ-Артуръ былъ бы уже давно въ рукахъ непріятеля“.

25-го ноября полковникъ Рейсъ увѣдомилъ Смирнова, что Стессель приказалъ ему собрать совѣтъ обороны, для обсужденія вопроса о дальнѣйшей защитѣ крѣпости

въ виду измѣнившейся обстановки съ паденіемъ Высокой Горы. Планъ дальнѣйшей обороны крѣпости въ случаѣ паденія Высокой Горы былъ выработанъ комендантомъ на совѣщаніи съ генералами Кондратенко и Бѣлымъ, подполковникомъ Хвостовымъ и полковникомъ Григоренко еще полтора мѣсяца передъ тѣмъ и ничѣмъ не отличался отъ самаго первоначальнаго плана, такъ какъ по существу дѣла Высокая Гора являлась передовымъ пунктомъ для верковъ крѣпости. Изложивъ передъ совѣтомъ обороны подробно выработанный ранѣе планъ, комендантъ обратился къ членамъ совѣта съ предложеніемъ внести какія-либо поправки: но никто ничего не заявилъ. Затѣмъ, на этомъ же совѣтѣ рѣшено было увеличить дачу конины до $^1/_4$ фунта въ день на человѣка, а въ госпиталяхъ до $^1/_2$ фунта въ цѣляхъ предупрежденія развитія цынги.

Комендантъ полагалъ, что всѣ вопросы исчерпаны, и хотѣлъ уже закончить засѣданіе, когда поднялся полковникъ Рейсъ и объявилъ, что онъ, по приказанію начальника раіона, проситъ совѣтъ обсудить и рѣшить, когда должна быть закончена оборона крѣпости, въ виду недостатка боевыхъ припасовъ, скудости продовольствія, утомленія и болѣзненности людей и опасенія рѣзни на улицахъ, въ случаѣ затяжки обороны. На это предложеніе комендантъ возразилъ, что хотя снарядовъ въ крѣпости немного, но для отбитія штурмовъ хватитъ ружейныхъ патроновъ еще достаточно (болѣе 10 милліоновъ); наконецъ, въ случаѣ ихъ израсходованія останутся еще штыки: слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія вопросъ не подлежитъ обсужденію. Что же касается того, сколько времени мы должны держаться, то на это можетъ дать намъ отвѣтъ интендантскій листокъ. Изъ послѣдняго видно, что мукой, сухарями,

крупой, сушеной зеленью, чаемъ и сахаромъ мы обезпечены болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; конины хватитъ на такое же время; поэтому ранѣе новаго года возбуждать вопросъ о сдачѣ крѣпости не подобаетъ. При этомъ, въ видѣ иллюстраціи, комендантъ прибавилъ, что только съ 27-го декабря Портъ-Артуръ выравнивается въ оборонѣ съ своимъ дѣдомъ Севастополемъ, и тогда только внукъ можетъ считать себя достойнымъ своего дѣда Всѣ члены совѣта поддержали это мнѣніе.

Все вышеизложенное, за исключеніемъ только сравненія Артура съ Севастополемъ, было внесено въ протоколъ засѣданія и подписано всѣми членами, кромѣ Рейса. Послѣдній приложилъ свое особое мнѣніе, въ которомъ, поставивъ на первый планъ сравненіе Артура съ Севастополемъ, стремится затушевать основныя положенія, т. е что мы вооружены удовлетворительно, чтобы вести дальнѣйшую оборону, а снабжены довольствіемъ болѣе чѣмъ на мѣсяцъ.

Но интереснѣе всего надпись Стесселя, сдѣланная на постановленіи совѣта. Въ ней онъ отказывается, что давалъ порученіе Рейсу возбуждать вопросъ о времени сдачи крѣпости, дѣлаетъ коменданту насмѣшливое замѣчаніе, что ему неизвѣстно, что сражаются одновременно артиллерійскимъ огнемъ, ружейнымъ огнемъ и штыками, а не по очереди, и въ то же время не утверждаетъ главнаго вопроса объ увеличеніи конины для довольствія. Касательно сдачи крѣпости Стессель указываетъ, что онъ самъ знаетъ, когда это сдѣлать, и рѣзни на улицахъ не допуститъ. Передаютъ, что Стессель и Рейсъ заходили наканунѣ или въ день совѣта утромъ къ нѣкоторымъ изъ членовъ совѣта и старались настроить ихъ въ смыслѣ необходимости сдачи крѣпости.

Къ концу ноября на сѣверо-восточномъ фронтѣ непріятель владѣлъ уже наружными рвами напольныхъ фасовъ на форту II, форту III и укрѣпленіи 3-емъ и началъ вести минныя галлереи подъ брустверами напольныхъ фасовъ съ цѣлью взрывами горновъ разрушить брустверa и устроить въ нихъ воронки. Къ этому времени у насъ уже готовы были на этихъ фортахъ и укрѣпленіи ретраншаменты, построенные изъ земляныхъ мѣшковъ и отстоящіе отъ гребня бруствера шаговъ на 30—50. Ретраншаменты эти воздвигнуты были на казематированныхъ казармахъ въ укрѣпленіи 3-мъ и форту II и на брустверѣ батареи на форту III-емъ. Въ укрѣпленіи 3 и форту III-емъ гребень бруствера ретраншамента превышалъ гребень основного бруствера на 2—3 фута, на форту-же II-мъ былъ ниже его на 1 футъ.

Выслушиваніе непріятельскихъ минныхъ работъ изъ слуховыхъ рукавовъ, выведенныхъ на брустверѣ форта II, и изъ потернъ на форту III и укрѣпленіи 3-мъ указывало, что непріятельскія галлереи проводятся примѣрно на $1^1/_2$ сажени и не глубже 2 саженъ отъ ската бруствера: слѣдовательно, наибольшій радіусъ воронки послѣ взрыва горна не могъ превзойти 18 шаговъ, и потому самый взрывъ не могъ повліять на ретраншаментъ и казематъ, какъ находящіеся внѣ сферы его дѣйствій. Между тѣмъ, въ это время (1 декабря) генералъ Фокъ распространилъ записку, въ которой, обвиняя артурскихъ инженеровъ въ бездѣйствіи и допущеніи непріятеля производить свои работы безнаказанно, предрекалъ, что вскорѣ послѣдуетъ взрывъ на форту II, и три сотни защитниковъ его, взлетѣвъ на воздухъ, покроютъ сосѣдній Куропаткинскій люнетъ своими окровавленными членами. Про-

явивъ этой своей запиской полное невѣжество въ минномъ дѣлѣ, Фокъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ деморализующее вліяніе на защитниковъ тѣхъ фортовъ, на которыхъ непріятель велъ минныя галлереи. То, что комендантомъ было парализовано полтора мѣсяца назадъ съ такимъ напряженіемъ и трудомъ, вновь народилось, благодаря невѣжеству Фока.

Стессель, ознакомившись съ запиской, несмотря на ея вздорность, поручилъ разсмотрѣніе содержанія ея цѣлой комиссіи. Это способствовало еще большей огласкѣ записки. Вліяніе записки сказалось тѣмъ, что черезъ три дня (5 декабря), когда послѣдовалъ на брустверѣ форта II взрывъ горна, не нашлось у насъ охотниковъ вѣнчать воронку, которую непріятель не могъ тоже увѣнчать, благодаря нашему артиллерійскому огню, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, до самаго захода солнца. Но еще значительно ранѣе сего, по овладѣніи наружнымъ рвомъ напольнаго фаса на форту II, японцы начали распространяться по нашей контръ-эскарповой галлереѣ съ правой стороны. Ко 2-му числу декабря непріятель владѣлъ саженями на двѣ въ длину правой нашей галлереей, затѣмъ слѣдовалъ шаговъ на 10, такъ сказать, нейтральный промежутокъ галлереи, которыя перегораживался траверсомъ изъ земляныхъ мѣшковъ, за которымъ сидѣли стрѣлки и стрѣляли по непріятелю вдоль галлереи. Здѣсь же у траверса заложенъ былъ фугасъ на случай, если бы противникъ овладѣлъ нашимъ траверсомъ; другой такой же фугасъ былъ заложенъ въ концѣ галлереи у выхода послѣдней въ тыловой рогъ.

2-го декабря непріятель со своего участка галлереи началъ напускать въ нашъ участокъ газы удушливые, вонючіе, которые заставили находившихся за травер-

гомъ защитниковъ отойти къ самому концу галлереи. На докладѣ коменданту о семъ полковника Григоренко, комендантъ приказалъ выждать провѣтриванія галлереи и вновь занять прежній траверсъ, затѣмъ чаще мѣнять людей за траверсомъ до полнаго вывѣтриванія Дѣйствительно, напущенные удушливые газы не позволили и японцамъ занять нашъ участокъ галлереи, и, спустя нѣкоторое время, мы съ разсѣяніемъ газовъ могли опять занять свой траверсъ.

Вечеромъ этого дня, дабы изслѣдовать на мѣстѣ положеніе вещей, на фортъ II отправился Кондратенко, пригласивъ туда по телефону инженеровъ и начальниковъ ближайшихъ участковъ. Въ то время, когда собравшіеся сидѣли въ офицерскомъ казематѣ, влетѣвшая въ сосѣдній казематъ 11″ бомба наполовину перебила, наполовину переранила сидѣвшихъ въ казематѣ. Въ числѣ убитыхъ былъ и Кондратенко. Смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ защитниковъ крѣпости. Генералъ Кондратенко былъ душою обороны. На его мѣсто Стессель назначилъ Фока.

5 декабря въ 11 часовъ утра непріятель произвелъ на брустверѣ форта № II три взрыва. Отъ взрыва въ правомъ углу развороченъ былъ нѣсколько брустверъ, но воронки не образовалось; отъ средняго взрыва на брустверѣ образовалась небольшая воронка, а крайній лѣвый взрывъ былъ неудаченъ, такъ какъ выбилъ назадъ въ ровъ забивку, не повредивъ бруствера. Наши батареи съ малаго Орлинаго Гнѣзда и Заредутная открыли по воронкѣ огонь, и послѣдняя не была вѣнчана японцами до захода солнца. За это время и наши ее тоже не рѣшились занять. Передъ заходомъ солнца въ воронкѣ показался японскій офицеръ съ тремя

нижними чинами; они и стали укладывать мѣшки. Въ 11 часовъ вечера комендантъ узналъ, что фортъ II уже нами очищенъ и казематы взорваны. Это было сдѣлано непосредственно назначеннымъ въ тотъ же день новымъ комендантомъ форта штабсъ-капитаномъ Кващъ, по распоряженію начальника участка подполковника Глаголева, которые дѣйствовали на основаніи приказаній Фока, не выждавъ даже прибытія на мѣсто и окончательнаго по сему распоряженія начальника отдѣла обороны генерала Горбатовскаго. Всѣ орудія и даже пулеметы были оставлены на форту.

Когда на слѣдующее утро къ коменданту явился Фокъ, то на его вопросъ: „кто ему разрѣшилъ сдать фортъ II?“ — отвѣтилъ, что на это онъ получилъ приказаніе Стесселя; когда же комендантъ замѣтилъ, что пока еще царскимъ велѣніемъ комендантъ крѣпости онъ, Смирновъ, а Фокъ ему подчиненъ и безъ доклада не долженъ былъ сего дѣлать, то Фокъ привелъ въ свое оправданіе то, что наканунѣ вечеромъ онъ искалъ Смирнова на дачныхъ мѣстахъ, полагая, что Смирновъ, подобно Стесселю, мѣняетъ квартиры въ зависимости отъ направленія непріятельскихъ выстрѣловъ, но тамъ его не нашелъ. Между тѣмъ, Стессель, можетъ быть чувствуя, что учинилъ весьма недоброе дѣло, отдалъ впослѣдствіи приказъ отъ 14 декабря за № 961, въ которомъ на основаніи извращенныхъ представленій Кваца и Глаголева расписалъ все это позорное дѣло какъ подвигъ.

Вотъ приказъ Стесселя по поводу сдачи форта № II (14 декабря, 1904 г. Кр. Портъ-Артуръ, № 961).

Начальникъ сухопутной обороны генералъ-лейтенантъ Фокъ при рапортѣ отъ 12 декабря с г. за № 20 представилъ рапортъ коменданта форта № 25, 25-го Восточно-Сибирскаго

стрѣлковаго полка штабсъ-капитана Кватцъ о порядкѣ очищенія форта и копіи съ записокъ бывшаго командующаго 28-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ подполковника Глаголева къ штабсъ-капитану Кватцъ Въ заключеніе своего рапорта генералъ-лейтенантъ Фокъ доноситъ, что онъ признаетъ всѣ распоряженія, какъ подполковника Глаголева, такъ и штабсъ-капитана Кватцъ совершенно правильными Прочтя рапортъ штабсъ-капитана Кватцъ отъ 10 декабря за № 50, и двѣ служебныхъ записки подполковника Глаголева, я вижу, что мое приказаніе объ очищеніи форта № 2 было приведено въ исполненіе генералъ-лейт. Фокомъ образцово, за что долгомъ и особеннымъ удовольствіемъ считаю объявить Его Превосходительству сердечную благодарность. Фортъ № 2 поглотилъ во все время его обороны массу геройскихъ защитниковъ: сначала командиръ 22-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка капитанъ Рѣзановъ, затѣмъ поручикъ того-же полка Флоровъ и наконецъ штабсъ-капитанъ Кватцъ исполнили свой долгъ на славу, несмотря на громадныя потери 5-го декабря японцы взорвали фортъ и защитники форта были принуждены сѣсть за траверсъ и казематы; мостъ былъ сломанъ и положеніе стало отчаянное: не нанося врагу существеннаго вреда, приходилось или выведя защитниковъ взорвать фортъ и сохранить геройскій гарнизонъ для дальнѣйшей борьбы съ врагомъ, или сидѣть и ждать когда уничтожатъ всѣхъ я приказалъ генералъ-лейтенанту Фоку вывести гарнизонъ и затѣмъ взорвать фортъ, такъ какъ подготовить къ взрыву—давно уже было мною приказано. Всѣ распоряженія генералъ-лейтенантомъ Фокъ были отлично выполнены гарнизонъ въ порядкѣ выведенъ, Куропаткинскій люнетъ обезпеченъ и когда было подготовлено, фортъ взорванъ и наши герои защитники отъ взрыва не пострадали. Изъ рапорта штабсъ-капитана Кватцъ видно, что въ этотъ трудный періодъ для форта, поведеніе гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ было геройское . (*Идутъ перечисленія подвиговъ отдѣльныхъ чиновъ взорваннаго форта*).

Съ благодарностью вспоминаю память покойнаго подполковника Глаголева, приношу свою душевную благодарность коменданту форта штабсъ-капитану Кватцъ, поручику

Галдину, мичману Витгефту, подпоручику Витвинскому, зауряд-прапорщикамъ Колесову и Корсунову и Саперной роты штабсъ-капитану Адо за своевременное исполненіе работъ на форту.

Прошу немедля войти съ представленіемъ о награжденіи сихъ достойныхъ офицеровъ по ихъ заслугамъ. Нижнимъ чинамъ форта № 2, за всю ихъ геройскую службу объявляю мое спасибо и представить по 5-ть человѣкъ на роту для награжденія знакомъ отличія Военнаго ордена, нынѣ мы утвердились на Куропаткинскомъ чюнетѣ и положеніе наше гораздо улучшилось" (*Слѣдуютъ подписи*)

Отдача въ руки непріятеля форта № II имѣла для гарнизона крѣпости громадное моральное значеніе Она расшатала въ корнѣ тотъ принципъ, что фортъ умираетъ, а не сдается. Защитники фортовъ, напримѣръ, форта II-го, увидѣли, что фортъ не есть святыня, которою непріятель можетъ завладѣть только послѣ смерти всѣхъ его защитниковъ, а то же самое, что и обыкновенныя укрѣпленія, которыя свободно уступались непріятелю, когда на нихъ становилось трудно отстаиваться. Спустя 10 дней, примѣръ форта III подтвердилъ это. Самый фактъ сдачи форта II помимо коменданта крѣпости и помимо совѣта обороны еще болѣе утвердилъ защитниковъ въ мысли, что между Стесселемъ и Фокомъ состоялось соглашеніе касательно того, чтобы привести крѣпость въ скорѣйшій срокъ въ такое положеніе, чтобы можно было оправдать сдачу ея. Дабы воспрепятствовать послѣдней, комендантъ послалъ главнокомандующему шифрованную депешу, которую приводимъ дословно:

„Главнокомандующему арміями и флотомъ 2 декабря убитъ генералъ Кондратенко, исполнявшій обязанности начальника сухопутной обороны. На его мѣсто генералъ-адъютантомъ Стесселемъ назначенъ

генералъ Фокъ, хотя я просилъ, чтобы генералу Фоку былъ врученъ только западный фронтъ, отъ фортовъ котораго противникъ находится еще въ верстѣ, а на себя хотѣлъ принять кромѣ комендантскихъ еще непосредственно обязанности начальника сухопутной обороны восточнаго фронта, гдѣ на форту II, форту III и укрѣпленіи 3-мъ непріятель сидитъ уже на брустверахъ. Первымъ дѣломъ новаго начальника обороны было распоряженіе, основанное на данномъ ему непосредственно генераломъ Стесселемъ указаніи, взорвать казематы форта II и очистить послѣдній. Сдѣлано было это помимо меня, даже объ этомъ меня не увѣдомивъ и не спрашивая ни моего, ни совѣта обороны заключенія, вопреки выраженному ранѣе моему по этому предмету мнѣнію. Систематическое игнорированіе генералъ-адъютантомъ Стесселемъ моихъ правъ коменданта крѣпости, въ особенности по части административной и госпитальной, практикуется съ сентября мѣсяца, и хотя престижъ мой подрывался постоянно разными распоряженіями по крѣпости помимо меня, но самая оборона крѣпости мало страдала вслѣдствіе полнаго согласованія съ моими взглядами начальника сухопутной обороны, начальника артиллеріи и начальника инженеровъ. Въ настоящее время, когда столь важный вопросъ, какъ сдача форта, рѣшенъ помимо меня, и по моему разумѣнію въ ущербъ дѣлу обороны, я прошу о подтвержденіи генералу Стесселю моихъ правъ коменданта крѣпости, согласно положенія объ управленіи крѣпостями, съ воспрещеніемъ вмѣшательства, или же о снятіи съ меня всякой отвѣтственности за послѣдующую оборону крѣпости и сложеніи съ меня обязанностей коменданта. 7 декабря № 1282.

Генералъ-лейтенантъ Смирновъ".

Посылая такую депешу, Смирновъ, очевидно, полагалъ, что дѣло сдачи крѣпости не пойдетъ такъ быстро, какъ оно въ дѣйствительности совершилось, и что отвѣтъ на его депешу получится недѣли черезъ три, и, въ случаѣ отвѣта для него благопріятнаго, можно будетъ отстрочить паденіе крѣпости до начала, даже при счастіи до половины февраля. Въ дѣйствительности крѣпость послѣ того прожила только 12 дней. Отмѣтимъ здѣсь, что послѣ сдачи форта II стали циркулировать между офицерскимъ составомъ слухи, что снарядовъ нѣтъ и не стоитъ болѣе держаться. Это обстоятельство, въ связи съ поведеніемъ Фока, какъ говорятъ, угнетающе дѣйствовало на духъ защитниковъ крѣпости.

Между тѣмъ, непріятель на форту III и укрѣпленіи 3-ми велъ подъ брустверами свои галлереи. На форту III для противодѣйствія непріятельскимъ минамъ нами были взорваны камуфлеты 7-го и 10-го декабря. 13-го числа непріятель на форту III взорвалъ свой горнъ, но взрывъ оказался неудаченъ. Наконецъ 15 го числа въ 9 часовъ утра послѣдовалъ большой взрывъ на брустверѣ форта III. Образовавшуюся воронку непріятель вѣнчалъ, несмотря на нашъ сильный огонь. Въ то же время противникъ открылъ сильный огонь по ретраншаменту. Этого огня наши не выдержали и попрятались въ казематы подъ ретраншаментомъ.

Около 5-ти часовъ пополудни нѣсколько японцевъ забрались на нашъ ретраншаментъ, между тѣмъ какъ другая часть ихъ стала распространяться по боковымъ рвамъ форта. Хотя гарнизонъ форта составляли болѣе 300 человѣкъ при 7—9 офицерахъ, но духъ его былъ настолько подавленъ и подорванъ примѣромъ ухода гарнизона форта II и разговорами генерала Фока, что

нижніе чины не слушались офицеровъ, посылавшихъ ихъ изъ казематовъ на ретраншаментъ; сами же офицера не подавали примѣра нижнимъ чинамъ. Комендантъ посылалъ изъ резерва одну за другой роты съ приказаніемъ генералу Горбатовскому выбить японцевъ съ ретраншамента, но духъ гарнизона передавался прибывающимъ ротамъ; онѣ тоже деморализировались и въ контръ-атаку не шли. Опасаясь огласки при сообщеніи коменданту такого свѣдѣнія по телефону, генералъ Горбатовскій послалъ къ нему для личнаго доклада капитана Степанова, убѣдительно прося разрѣшенія очистить фортъ, иначе весь гарнизонъ форта погибнетъ. Комендантъ сообщилъ о семъ для свѣдѣнія Рейсу, самъ же медлилъ давать такое разрѣшеніе, выжидая прибытія и доклада Степанова. Но прежде чѣмъ послѣдній прибылъ къ коменданту, Горбатовскій получилъ отъ Стесселя черезъ штабъ раіона приказаніе очистить фортъ III.

Очистивъ фортъ III, наши заняли въ тылу его полуподготовленную позицію отъ Скалистаго кряжа къ укрѣпленію 3-му, шагахъ въ 300—500 отъ форта.

На слѣдующій день (16 декабря) въ 6 часовъ вечера Стессель собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали слѣдующіе чины: капитанъ Головань, подполковникъ Дмитріевскій, полковники: Хвостовъ и Рейсъ, подполковникъ Некрашевичъ-Покладъ, полковникъ Петруша, подполковникъ Гандуринъ, флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ, полковники: Савицкій, Грязновъ, Мехмандаровъ, Ирманъ и Григоренко, контръ-адмиралы: Виренъ и Лощинскій; генералъ-маіоры: Горбатовскій, Бѣлый, Надѣинъ, Никитинъ; генералъ-лейтенанты: Фокъ, Смирновъ и генералъ-адъютантъ Стессель.

Стессель предложилъ каждому изъ членовъ высказать совершенно откровенно свое мнѣніе касательно настоящаго положенія крѣпости и мѣръ, которыя надлежало бы принять въ будущемъ. Затѣмъ заявилъ, что въ концѣ засѣданія онъ ознакомитъ присутствующихъ съ запиской, которую держалъ въ рукахъ.

При изложеніи мнѣній, Дмитріевскій указалъ на недостатокъ въ крѣпости снарядовъ и потому невозможность ожидать успѣха въ дальнѣйшей борьбѣ Гандуринъ выразилъ, что при настоящемъ состояніи войскъ и верковъ борьба невозможна и безцѣльна Рейсъ указалъ, что миссія Портъ-Артура въ смыслѣ защиты флота кончилась, такъ какъ флотъ пересталъ существовать: для арміи же, которая собралась давно уже въ большихъ силахъ, Портъ-Артуръ вовсе не нуженъ; дальнѣйшая защита Портъ-Артура можетъ привести только къ рѣзнѣ на улицахъ, чего не должно допускать. Покладъ, Савицкій и Грязновъ выразились неопредѣленно, сказавъ, что при настоящемъ положеніи вещей защита трудна. Головань, Хвостовъ, Петруша, Семеновъ, Мехмандаровъ, Григоренко, Ирманъ были за дальнѣйшую оборону, находя ее вполнѣ возможною. Адмиралы Виренъ и Лощинскій, генералы Горбатовскій, Надѣинъ, Бѣлый и Никитинъ были за дальнѣйшую оборону, причемъ Бѣлый указывалъ на ошибочность взгляда касательно недостатка снарядовъ. Возраженія свои онъ основывалъ на цифрахъ, которыя были тогда же у него въ рукахъ, и настаивалъ на своемъ мнѣніи, доказывая, что въ артиллерійскомъ отношеніи крѣпость еще имѣетъ достаточно средствъ для борьбы и въ состояніи отбить еще два большихъ штурма, а быть можетъ и болѣе.

Въ дѣйствительности тогда было 102 тысячи сна-

рядовъ наличныхъ и еще 100 тысячъ снарядовъ, не принятыхъ отъ флота; ружейныхъ патроновъ было около 8 милліоновъ.

Противъ мнѣнія генерала Бѣлаго никто не возразилъ; напротивъ, оно было поддержано всѣми присутствующими старшими артиллеристами и комендантомъ крѣпости. Фокъ уклонился отъ отвѣта на разсматриваемый вопросъ, началъ патетически восхвалять выносливость нижнихъ чиновъ и не сказалъ ничего по существу.

Смирновъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Полагая, что все то, что было изложено здѣсь, достаточно и со всѣхъ сторонъ освѣтило вопросъ, предложенный на обсужденіе, я, съ своей стороны, считаю долгомъ заявить слѣдующее: по существующимъ правиламъ въ каждой крѣпости имѣется Высочайше утвержденная секретная инструкція, въ которой категорически указывается цѣль и назначеніе крѣпости на мѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, и на основаніи таковой инструкціи комендантъ можетъ судить въ извѣстный періодъ войны, въ какой мѣрѣ и степени крѣпость выполнила свое назначеніе. Таковой инструкціи въ дѣлахъ штаба крѣпости, къ сожалѣнію, не имѣется. Въ данномъ случаѣ о задачахъ нашихъ приходится судить самимъ. Одна изъ таковыхъ задачъ—это служить прибѣжищемъ и защитой флоту,—уже нами исчерпана, вслѣдствіе гибели флота. Другая наша задача,—прикрывать армію или содѣйствовать стратегическому развертыванію нашей арміи,—еще не закончена: иначе мы не только узнали бы о ея наступленіи, но были бы освобождены отъ осады. Какое бы ни было на этотъ счетъ мнѣніе, но положеніе объ управленіи крѣпостями категорически требуетъ

вести оборону крѣпости до полнаго истощенія силъ и средствъ, чего у насъ далеко еще не наступило. Посему дальнѣйшая оборона крѣпости для насъ обязательна Самый же планъ обороны, сообразуясь съ существующей обстановкой, долженъ быть такой: пока возможно, мы должны держаться Китайской стѣнки, такъ какъ изъ-за нея мы можемъ дѣйствовать бомбочками и стрѣлять минами, что для насъ является суррогатомъ артиллерійскаго огня Для усиленія нашей боевой линіи надо ослабить наши выдающіяся фланги Ляотешань и Сигнальную гору, взявъ оттуда часть силъ. Полагаю, что Китайскую стѣнку мы можемъ держать не менѣе двухъ недѣль Затѣмъ мы отойдемъ на 2-ю позицію, т. е. на Курганную батарею, Владимірскую, Митрофаніевскую и Безымянную горы. Эта позиція имѣетъ то неудобство, что невозможно держать близко къ ней поддержки и резервы по причинѣ малаго количества блиндажей и холоднаго времени. Поэтому на эту позицію надо смотрѣть, какъ на арріергардную, но всетаки, я полагаю, на ней можно будетъ задержать противника до одной недѣли. Наконецъ, третья позиція—на Каменноломномъ кряжѣ, примыкающая слѣва къ сѣверной части городской ограды, а справа къ Большой горѣ, въ настоящее время хорошо укрѣплена и имѣетъ непосредственно сзади себя много построекъ для расположенія поддержекъ и резервовъ. Позиція эта, благодаря своей силѣ и удобствамъ, позволитъ намъ держаться по меньшей мѣрѣ недѣли три Къ этому времени и средства наши будутъ на исходѣ, и тогда вопросъ о дальнѣйшей жизни крѣпости будетъ на очереди". Стессель, выслушавъ все это, объявилъ, что вторая позиція не представляетъ никакой силы; и затѣмъ, обратив-

шись ко всѣмъ, сказалъ, что онъ благодаритъ всѣхъ за почти единогласное рѣшеніе вести дальнѣйшую защиту крѣпости; записку же, которую обѣщалъ прочесть въ концѣ засѣданія, спряталъ въ карманъ На этомъ засѣданіе кончилось. Слѣдующій день (17 декабря) прошелъ на веркахъ относительно спокойно 18-го числа въ 9 часовъ утра послѣдовалъ взрывъ на укрѣпленіи 3-мъ. Взрывъ образовалъ воронку на брустверѣ вблизи потерны, причемъ газы, прорвавшись въ потерну (или же попавшій снарядъ), взорвали большой запасъ бомбочекъ, хранящихся въ потернѣ вблизи казематовъ. Бомбочекъ этихъ было нѣсколько сотъ. Отъ взрыва ихъ завалило нѣкоторые казематы, выходы изъ нихъ и убило около сотни защитниковъ (всѣхъ защитниковъ было болѣе 187 человѣкъ). Оставшіеся въ живыхъ защитники сдались японцамъ, и послѣдніе завладѣли всѣмъ укрѣпленіемъ 3-мъ.

Послѣ полудня началось сильное обстрѣливаніе нашего фронта на протяженіи отъ Куропатной батареи до Орлинаго гнѣзда, а въ половинѣ 2 часа японцы начали наступать главнымъ образомъ къ Скалистому кряжу отъ форта III. Хотя находящаяся здѣсь пѣхота и попятилась назадъ, но артиллерія отбила штурмъ, и прежнія позиціи остались за нами. Несмотря на данное комендантомъ Фоку категорическое приказаніе удерживать Китайскую стѣнку со Скалистымъ кряжемъ, сей генералъ, прикрываясь распоряженіемъ Стесселя, велѣлъ очистить Китайскую стѣнку и Скалистый кряжъ въ 3½ часа пополудни. Съ наступленіемъ сумерекъ, войска начали очищать Китайскую стѣнку.

Въ оправданіе себя Фокъ прислалъ на имя коменданта нижеслѣдующую телефонограмму: „Генералъ-

адъютантъ Стессель вполнѣ согласился съ вашимъ мнѣніемъ, но затѣмъ была получена телефонограмма отъ генерала Горбатовскаго, который просилъ разрѣшенія очистить Китайскую стѣнку, на что генералъ Стессель далъ свое согласіе, но проситъ Курганную держать крѣпко. Генералъ-лейтенантъ Фокъ. 18 декабря 1904 года, 4 часа 20 минутъ дня". Японцы намъ не мѣшали: орудія (за исключеніемъ 9″ мортиръ и 6″ пушекъ) были увезены, и къ 5 часамъ утра 19 декабря войска наши расположились на 2-й позиціи, т. е. занимали линію: Курганная батарея, Владимірская и Митрофаньевская горы, Большое Орлиное Гнѣздо, участокъ Китайской стѣнки за фортомъ № II, Куропаткинскій люнетъ.

Между тѣмъ, еще 18-го числа Стессель отдалъ приказъ-диспозицію (№№ 979 и 980), въ которомъ, видимо, не представляя себѣ соотношенія и относительнаго положенія 2 и 3-й линіи, предписывалъ удерживать лѣвый флангъ первой (т.-е. 2 й) линіи, перейдя въ то же время на фронтъ второй (т.-е. 3-й линіи) (Каменноломный хребетъ и Большую гору). Изъ этого приказа-диспозиціи было одно ясно, что писавшій его никогда не видѣлъ 2-й позиціи и никогда не былъ на прилежащихъ горахъ.

Съ утра 19 го числа, несмотря на эту диспозицію, войска продолжали оставаться на 2-й линіи. Непріятель началъ обстрѣливать Большое Орлиное Гнѣздо шрапнелью и ружейнымъ огнемъ. Подъ впечатлѣніемъ этого огня, отрядъ, занимавшій Большое Орлиное Гнѣздо, очистилъ свою позицію Это было въ 2½ часа пополудни. Послѣ этого Фокъ самопроизвольно отдалъ распоряженіе очистить Куропаткинскій люнетъ, Малое Орлиное Гнѣздо и лит Б Генералъ Горбатовскій,

понимая крайне невыгодное положеніе, въ которое будутъ поставлены войска со сдачей непріятелю этихъ укрѣпленій, приказалъ начальнику участка подполковнику Лебединскому удерживать эти пункты, сообщивъ въ штабъ 4-й дивизіи, что это есть приказаніе коменданта крѣпости. Тогда послѣдовала со стороны Фока угроза Горбатовскому, что будутъ приняты въ отношеніи его рѣшительныя мѣры, если онъ позволитъ себѣ дальнѣйшія противодѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ, Фокъ отдалъ Лебединскому непосредственно приказаніе очистить вышеперечисленные пункты (укрѣпленія). Войска начали очищать укрѣпленія.

Между тѣмъ, около 4-хъ часовъ вечера, Стессель послалъ къ генералу Ноги парламентера, прапорщика Малченко, съ предложеніемъ сдачи крѣпости. По мѣрѣ очищенія нашими войсками укрѣпленій, ихъ занимали японцы. О начатыхъ переговорахъ комендантъ крѣпости узналъ отъ контръ-адмирала Вирена, прибывшаго къ нему въ 7 часовъ вечера и показавшаго ему предписаніе генералъ-адъютанта Стесселя взрывать суда Только въ 11 часовъ вечера комендантъ получилъ отъ начальника штаба района извѣщеніе о вступленіи въ переговоры съ приложеніемъ копіи письма, посланнаго генералу Ноги. Приводимъ подлинное содержаніе этого письма:

„Его превосходительству командующему арміей, осаждающей Артуръ. Милостивый государь! Соображаясь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я признаю дальнѣйшее сопротивленіе Портъ-Артура безцѣльнымъ и, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, желалъ бы войти въ переговоры относительно капитуляціи. Если ваше превосходительство на это согласны, то прошу назначить лицъ, уполномо-

ченныхъ для переговоровъ объ условіяхъ и порядкѣ сдачи, и указать мѣсто, гдѣ ихъ могутъ встрѣтить назначенныя мною лица. Пользуясь случаемъ и т. д. Генералъ-адъютантъ Стессель. 1/1 05 (19-го декабря 1904 г.)".

Противникамъ сдачи крѣпости не представлялось никакой возможности поправить дѣло, такъ какъ лучшія позиціи были сданы, а войска наполовину деморализованы. Сопоставляя военный совѣтъ 16 декабря съ очищеніемъ Китайской стѣнки 18-го числа и оставленіемъ укрѣпленій 19-го числа, можно заключить, что сдача крѣпости Портъ-Артура есть дѣло предательское со стороны Стесселя при содѣйствіи его испытаннаго друга генерала Фока и начальника его штаба полковника Рейса.

По свѣдѣніямъ штаба крѣпости, наши силы и средства ко дню сдачи были слѣдующія.

На веркахъ крѣпости штыковъ (стрѣлковъ и моряковъ) 12½ тысячъ: артиллеристовъ (крѣпостныхъ, полевыхъ и морскихъ) 5 тысячъ, инженерныхъ войскъ ½ тысячи: нестроевыхъ 1 тысяча; итого 19 тысячъ. Больныхъ и раненыхъ госпитальныхъ 15 тысячъ, больныхъ околодочныхъ 7½ тысячъ, всего 41½ тысячи. Такъ какъ выступило при взятіи въ плѣнъ въ дер. Чилиндзы 24 тысячи, слѣдовательно, изъ околодочныхъ, могущихъ стать на верки, надо числить было 5 тысячъ.

Орудійныхъ снарядовъ было до 180 тысячъ. Изъ нихъ было къ 9 дм. и большого калибра пушкамъ и мортирамъ около 1000, къ 6 дм. и 42 мм. около 6.800. Къ легкимъ и 57 мм. береговымъ скорострѣльнымъ (вынесены были на сухопутный фронтъ) около 18.000; къ 57 мм. канонирнымъ около 2000; къ 75,

57, 47 и 37 мм. морскимъ пушкамъ, стоявшимъ на батареяхъ, около 150 тысячъ; для 3 дм. скорострѣльныхъ пушекъ полевой артиллеріи около 4000. Въ общемъ числѣ, не считая патроновъ 3 дм. скорострѣльной полевой пушки, заключалось шрапнелей около 14.000 и картечи около 10.000. Орудія хотя и были поношены, но о негодности всего не могло быть еще рѣчи. Дѣло отливки снарядовъ, изготовленія фугасныхъ пироксилиновыхъ бомбъ къ нимъ и приспособленіе трубокъ къ бомбамъ и шрапнелямъ было въ ходу, давало до 100 снарядовъ въ сутки и обѣщало давать еще болѣе. Между прочимъ, по заключеніи условій капитуляціи Портъ-Артура Стессель потребовалъ къ себѣ начальника артиллеріи генерала Бѣлаго и выразимъ ему полное недоумѣніе, „какъ быть“, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое неудовольствіе по поводу оказавшагося на лицо слишкомъ большого количества снарядовъ, что неудобно въ глазахъ японцевъ,—явно намекая ген. Бѣлому, чтобы онъ показалъ имъ неполное число, а уменьшенное, что въ карандашѣ и имѣлъ неосторожность, по его собственному признанію, сдѣлать генералъ Бѣлый, давая сильное оружіе противъ себя въ руки того же Стесселя и Рейса. Согласно интендантской вѣдомости, въ провіантскихъ магазинахъ крѣпости къ 18-му декабря было слѣдующее количество запасовъ (вѣдом. № 9953): муки пшеничной 10.519 пуд., крупчатки 9.202 пуда, сѣянки 904 пуда, крупы и рису 5.577 пуд., чумизы 140 пуд, пшена 59 пуд., чаю 2. 168 пуд., сахару 1.224 пуд., сухарей 21.657 пуд., сухихъ овощей 3.100 пуд., консервовъ 3.853 пуд., бобовъ 31.140 пудовъ. Порціоннаго скота: крупнаго 3 головы, барановъ и козловъ 9 головъ, лошадей около 2½ тысячъ головъ. Изъ

50 тысячъ пудовъ муки, привезенной въ Артуръ прорвавшимся пароходомъ, было выдано войскамъ на руки крупчатки около 10.650 пуд и имѣлось еще 30 040 пудовъ. Кромѣ указаннаго количества запаса сухарей въ провіантскихъ магазинахъ, въ частяхъ войскъ имѣлся запасъ на 21 день. Изъ изложеннаго видно, что силы и средства крѣпости были достаточны для защиты ея въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, 1½—2 мѣсяцевъ.

23-го декабря выстроились у 5-го укрѣпленія для отправки въ плѣнъ 24 тысячи артурцевъ.

Какъ иллюстрацію обстановки, слѣдуетъ припомнить разговоръ коменданта крѣпости съ японскимъ генераломъ, начальникомъ одной изъ японскихъ дивизій, руководившимъ пріемомъ плѣнныхъ. Когда генералъ Смирновъ выразилъ ему свое удивленіе, какъ японскіе делегаты управятся съ такой массой плѣнныхъ въ одинъ день, и предлагалъ раздѣлиться делегатамъ на нѣсколько группъ, японскій генералъ съ своей стороны удивился, такъ какъ ему было сообщено, что плѣнныхъ всего 9.000 человѣкъ, пріемъ коихъ они и предлагали закончить въ одинъ день: а когда комендантъ крѣпости заявилъ, что не 9.000, а 24.000 подлежитъ сдачѣ въ плѣнъ, то японскій генералъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ объ этомъ сообщить барону Ноги, такъ какъ у нихъ и продовольствія на такую массу плѣнныхъ не подготовлено При этомъ лицо говорившаго не могло скрыть выраженія нѣкотораго удовольствія.

Итакъ, обезоруженный гарнизонъ собрался около 5-го укрѣпленія, что у Голубиной бухты, но Стесселя не было среди защитниковъ. Онъ не прощался съ войсками ни въ Артурѣ, ни въ Дальнемъ.

Съ 20-го числа онъ окружилъ свой домъ японскими часовыми и боялся показаться оттуда. Условія капитуляціи были приняты для насъ самыя тяжелыя, благодаря тому, что Стесселемъ были высланы уполномоченными для переговоровъ съ нашей стороны люди, не принимавшіе участія въ оборонѣ.

Въ числѣ переговорщиковъ были: Рейсъ, Дмитріевскій и капитанъ 1 ранга Щенсновичъ. Единственный пунктъ, о которомъ усиленно хлопоталъ Стессель, это— офицерамъ сохранить оружіе и, давши подписку, вернуться въ Россію. Черезъ начальниковъ Стессель старался склонить офицеровъ къ отъѣзду въ Россію и былъ до крайности удивленъ, когда узналъ, что гарнизонъ возмущенъ сдачей крѣпости, а большинство офицеровъ, не дожидаясь отвѣтной телеграммы государя, рѣшило исполнить свой долгъ до конца, отказалось дать клятвопреступную подписку и вмѣстѣ съ нижними чинами послѣдовало въ плѣнъ. Фокъ былъ болѣе всѣхъ удивленъ, старался пропагандировать желаніе Стесселя и пѣлъ на всѣ лады, но когда увидѣлъ, что офицеры возмущены были его словами и не хотѣли даже слушать бредней стараго соглядатая, то онъ призадумался и, къ общему удивленію всѣхъ.. поѣхалъ въ плѣнъ, сознавшись, впрочемъ, что отъ него нѣтъ никакого толку, что послѣ плѣна онъ поселится во Франціи, и т. п.

Все имущество защитниковъ было оставлено въ Артурѣ на произволъ судьбы. Было разрѣшено лишь вывезти извѣстное количество пудовъ (по чинамъ), да уже по выходѣ изъ Артура было получено разрѣшеніе: 1) на вывозъ добавочнаго багажа въ 30% и 2) на взятіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ переписки частей войскъ.

Себѣ лично Стессель выговорилъ вывозъ всего

своего имущества, даже собачекъ. 29 декабря, собравъ весь свой домашній скарбъ, выступилъ изъ Артура Стессель съ семействомъ. Обозъ около 40 повозокъ везъ его вещи. Ничто не было забыто, даже .. собаки, которыя были сыты и въ теплѣ. Вотъ какой цѣной Россіи досталось самосохраненіе Стесселемъ своей жизни и своего имущества.

Въ полномъ благополучіи возвращался въ Россію „современный Цинцинатъ“ почить отъ своихъ праведныхъ трудовъ. А защитники Артура, истомленные и полуголодные, три дня мотались по чистому полю въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ. Чуть не Христомъ Богомъ приходилось просить хоть кусокъ черстваго хлѣба, въ то время какъ цѣлые склады всякаго добра остались японцамъ! Обидно и больно было артурцамъ терпѣть долгій, томительный плѣнъ. Еще обиднѣе становилось читать въ плѣну одну сплошную умышленную ложь. Неоднократно возникалъ вопросъ о средствахъ, какими можно было бы воспользоваться для опроверженія всей гнусной лжи, которую приходилось перечитывать плѣннымъ, пережившимъ всѣ ужасы осады и жаждавшимъ лечь костьми, лишь бы еще держаться въ Артурѣ и сдать его тогда, когда дѣйствительно не будетъ силъ бороться.

ПРІЛОЖЕНІЕ.

Англійская печать о генералѣ Стесселѣ.

Въ Шанхайской газетѣ „Меркурій“ появилась любопытная статья Арчибальдъ Литль подъ заглавіемъ „Почему Стессель сдался.“ Она была перепечатана почти всѣми японскими газетами. Статья эта проли-

ваетъ свѣтъ на извѣстное въ 1900 году „серебряное дѣло.“ Производившій дознаніе по этому дѣлу военный слѣдователь полковникъ Мустафинъ распутывалъ это сложное и грязное дѣло Но когда очередь дошла до инцидента сдачи г-жею Стессель китайскихъ лань на свое имя въ русско-китайскій банкъ, катастрофу предотвратилъ намѣстникъ Алексѣевъ, полетѣвшій на экстренномъ поѣздѣ въ Петербургъ, откуда вскорѣ было получено извѣстіе о переводѣ Мустафина въ Туркестанъ. Дѣло было окончательно замято. О мотивахъ сдачи крѣпости авторъ статьи говоритъ:

„Одиннадцать изъ тринадцати генераловъ и адмираловъ были на сторонѣ Смирнова. Только генералы Стессель и Фокъ были за сдачу. Все-же, три дня спустя, безъ всякаго дальнѣйшаго совѣщанія, генералъ послалъ къ японцамъ договариваться объ условіяхъ сдачи Онъ не вынулъ заранѣе денегъ изъ военныхъ кассъ (и денежныхъ ящиковъ) и не раздѣлилъ ихъ между Портъ-Артурцами, какъ объ этомъ доносятъ,— онъ оставилъ деньги, какъ и все остальное, для японцевъ. Это были общественныя деньги, не его. Зачѣмъ бы онъ сталъ заботиться о нихъ?..

„Извѣстіе о сдѣланномъ имъ шагѣ просто наполнило удивленіемъ остальныхъ генераловъ. Онъ былъ старшій въ чинахъ, и капитуляція была предложена раньше, чѣмъ даже услышали о ней За нѣсколько дней до этого ходили въ Артурѣ сплетни, что m-me Стессель укладываетъ свои чемоданы. Но хотя это сплетничали и комментировали, никто не вѣрилъ, что онъ способенъ дѣйствовать въ открытомъ противорѣчіи съ постановленіемъ послѣдняго военнаго совѣта, или что онъ могъ думать о сдачѣ крѣпости, такъ обильно снабженной средствами обороны.

„Мы сказали, что онъ не раненъ. Однако, помнится, что по всей Европѣ телеграфировали, что Стессель, геройскій защитникъ Портъ-Артура, былъ раненъ Оказывается, что онъ никогда добровольно не шелъ въ огонь. Какъ только снарядъ попалъ во дворъ его дома, онъ рѣшилъ переѣхать въ другой, онъ,—его жена и извѣстные (о которыхъ такъ много говорятъ) поросята, которыхъ m-me Стессель такъ бережно вскармливала. Начали приготовлять для нихъ большой домъ по сосѣдству (невдалекѣ); когда и въ этотъ домъ попалъ снарядъ, то они рѣшили не переѣзжать. Въ это время съ генераломъ случилось то, что слѣдуетъ разсматривать какъ величайшее счастье (для него) Осколокъ снаряда на взлетѣ, отскочивъ отъ земли, ударилъ его въ лобъ, вызвавъ три маленькія капли крови. Это была такого рода рана, о которой развѣ что дама подняла бы сумятицу въ мирное время. Мы можемъ вообразить обыкновенную даму восклицающею: „Еще немного больше, и я могла быть убита, знаете!“ Но Стессель былъ солдатомъ въ осажденномъ городѣ. Естественно, адъютанты подскочили. Генералъ упалъ въ ихъ объятія, лишаясь чувствъ. Послали за докторомъ. Бѣлый платокъ былъ обвязанъ вокругъ его головы, и съ повязкой на видномъ мѣстѣ генералъ поѣхалъ домой, лежа въ своей коляскѣ, съ закрытыми глазами Телеграфъ сразу же обнесъ вокругъ свѣта, что герой Портъ-Артура вдвойнѣ герой. Очень легко для человѣка достичь европейской славы, когда онъ находится въ осажденной крѣпости, изъ которой не позволено выйти ни одному слову, которое не рекламировало бы его героемъ. Но товарищи Стесселя по оружію пожимаютъ плечами и смѣются надъ этой царапиной. Нѣсколько англичанъ недавно путешество-

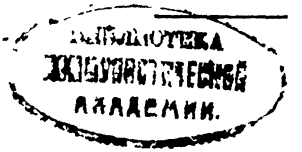
вали съ нѣмцами, ѣхавшими изъ Порть-Артура въ Цзинтау. Они прибыли въ Шанхай и говорили, что нѣмцы эти не могутъ ни одного добраго слова сказать про Стесселя. Они говорятъ, что и никто ихъ не можетъ оспаривать, что онъ самый ненавистный человѣкъ, о которомъ когда-либо слышали. Въ военное время, вѣроятно, никого такъ не ненавидятъ, какъ труса. Когда онъ не только трусъ, но и тщеславенъ, торжественно разъѣзжаетъ ежедневно и ничего не дѣлаетъ, а все-же получаетъ всю славу, въ то время какъ другіе трудятся и страдаютъ, оставаясь незамѣченными,—положеніе особенно гнусное.

Но мы должны смотрѣть глубже въ корень карьеры Стесселя для того, чтобы понять, отчего онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сдать крѣпость. Онъ принималъ участіе въ кампаніи 1900 года Англійскіе офицеры, которые служили въ то время, еще теперь говорятъ о немъ: „эта с. . . . . а Стессель“. Русскіе требовали преданія его суду, какъ вора: они говорятъ, что онъ крадъ все, даже репутацію своихъ товарищей по оружію, благодаря чему выплылъ на болѣе высшія должности Изъ Петербурга сообщили, что „дѣло лучше замять“.

Недавно, когда корреспонденты телеграфировали въ Россію, „хотите-ли Вы знать правду о Стесселѣ“, отвѣтъ снова былъ полученъ: „лучше ничего не говорить о Стесселѣ“. Онъ отчасти нерусскій. Но кромѣ этого есть легкое сомнѣніе насчетъ его происхожденія. Нѣмцы думали, что герой Портъ-Артура нѣмецъ, судя по его имени. Но на это русскіе всегда отвѣчаютъ смущенно: „нѣтъ!“ Очевидно, есть какая-то тайна въ его происхожденіи; тайна, которую обыкновенно называютъ „дамскими интригами“, есть та причина, по которой

онъ былъ оставленъ въ Портъ-Артурѣ, послѣ того какъ царь назначилъ Смирнова комендантомъ крѣпости.

Кажется, однако, что главныя причины, отчего не было разслѣдовано воровство драгоцѣнностей въ 1900 году, заключались въ томъ, что . . . . . *) былъ сообщникомъ Стесселя въ добычѣ. Вѣрно только, что Стессель съ 1900 года не былъ дома, и что богатства и брильянты, которые онъ тогда пріобрѣлъ въ Пекинскихъ дворцахъ, были вмѣстѣ съ нимъ въ Портъ-Артурѣ. Итакъ, русскіе съ печальнымъ видомъ говорятъ: „онъ дорожилъ своею жизнью и хотѣлъ спасти свое золото, серебро и свои брильянты, а тѣ-ше Стессель боялась, что могли убить ея поросятъ. Итакъ, наша крѣпость и русская честь.“ Тогда, закуривъ папиросу, продолжаютъ думать по-русски: „Но миръ не можетъ быть заключенъ. Какъ то было бы возможно? Если бы всѣ солдаты, находящіеся теперь въ плѣну въ Японіи, были отправлены домой, то по крайней мѣрѣ 23 000 революціонеровъ, были бы ввезены въ Россію. Если миръ будетъ заключенъ теперь, мы будемъ имѣть революцію болѣе ужасную, чѣмъ французская“.



*) Здѣсь упомянуто названіе и имя одного высокопоставленнаго лица: по цензурнымъ условіямъ считаемъ неудобнымъ приводить его, а любопытныхъ отсылаемъ къ первоисточнику, т. е. англійской газетѣ „Шанхайскій Меркурій“ за 1905 годъ.